

Глеб Бобров

Луганское направление

В этой книге – боль, кровь и слезы войны на Украине. Сборник очерков о событиях гражданского противостояния, о судьбах и характерах жителей Донбасса, вынуждено ставших ополченцами. Для их автора, главы Союза писателей ЛНР, Глеба Боброва, это уже вторая война. Теперь она полыхает на его родной Луганщине. Все описываемые им события, факты и человеческие истории взяты непосредственно из жизни.

Глеб Бобров

Луганское направление

**Министерство информации,
печати и массовых
коммуникаций ЛНР**

окорка . ru

Мы живем в удивительное время. Сегодня – здесь и сейчас – прямо на наших глазах вершится история: искусственное, ущербное и нежизнеспособное рушится, а на его руинах рождается новое. Всего полтора года, как под обстрелами, в блокаде и многочисленных трудностях переходного периода родилась, живет и развивается Луганская Народная Республика. И вместе с ней, услышав позыв к обновлению, без какого либо вмешательства «сверху», стали вдруг пробуждаться и творческие силы – встряхнув оцепенение прошлого, забурлила культурная жизнь.

Так, самостоятельно созданный в декабре 2014-го Союз писателей ЛНР за неполный год успел принять участие в выпуске шести книг – сборники прозы, поэзии и публицистики. Таков был творческий ответ интеллигенции Луганщины на исторический вызов сегодняшнего дня.

Представляемый сегодня, седьмой по счету сборник, – авторское детище главы Республиканского Союза писателей – известного прозаика и журналиста Глеба Боброва. Без команд и согласования, по зову сердца и приказу совести, писатель самостоятельно объездил всю линию фронта. Встретился и поговорил с командирами и бойцами, политиками и общественными деятелями, с ранеными, вдовами, членами семей павших героев. И создал сборник документально-прозаических очерков, где главным героем выступил человек – люди, усилиями, а зачастую и жизнями которых родилась и строится наша Республика. Судьбы, факты и события слагаются здесь в единый пазл литературного документа эпохи и живого свидетельства истории. В этом есть главное достоинство и ценность представляемого сборника.

*Политсовет Общественного Движения
«Мир Луганщине»*

Дорога мщения Женьки “Ангары”

На её шее тонкая серебряная цепочка с небольшим православным крестиком. Вокруг распятия еще одно украшение – колечко. Она говорит “обручальное”. Да вот только не серебряное оно. Это кольцо с чекой от гранаты. Однако, девчонка не врёт, они действительно с этими кольцами венчались в церкви. Ведь вначале, словно у библейского Иова, война напрочь разрушила всю её жизнь и семью. Разбила вдребезги привычный мир. Отобрала мужа. Потом разнесла в клочья отца с братом. Причем буквально. Теперь Женька склеивает свою жизнь по кусочкам. И первым подарком Судьбы стало обретение любимого человека. Почему и знак их обета так суров – с вырванной чекой не шутят...

Большая семья

Родилась Женька восемнадцать лет назад в трудящемся зажиточном селе на тысячу дворов в самом центре благословенного Станично-Луганского района.

Семья дружная и большая. Мать-Отец и дети. Десять детей. Кроме старшей, тридцатилетней дочери, все погодки возрастом от 10 лет. У первой дочери давно уже своя и тоже многодетная семья: всего шестеро – четверо своих и двое приемных. Женька у матери вторая по старшинству.

Говорит, жили дружно, не тяжело. Все обязанности в семье поделены, все работают наравне.

Мать - Людмила Юрьевна - бухгалтер, всю жизнь работала в сельсовете. В 2009 году её наградили званием “Мать-героиня”. Помимо домашнего очага считает своим долгом дать детям приличное образование. И это не только выполненные вместе с родителями домашние

задания на “отлично”, но и музыкальная школа, куда приходилось возить детей за пятнадцать верст, и последующая учеба, к коей готовят каждого.

Отец - Анатолий Леонтьевич – в свои 55 лет прошел долгий путь от танцора Ансамбля песни и пляски Киевского военного округа, в составе которого он объездил пол мира и весь Советский Союз, до ликвидатора аварии на Чернобыльской АЭС, о чём он так не любил вспоминать. Последние годы занимался сезонной работой на стройках, зимой числился в котельной, плюс вел домашнее хозяйство – нормальная, размеренная жизнь военного пенсионера. При этом главным стимулом для него все же были дети. Только потом они поняли, что отец поменял свою карьеру на семью. Девтора его безумно любила, и он к каждому пытался найти свой подход. Действительно, был талантлив – прекрасно пел, играл на гитаре, но, главное, служил, что называется – пастырем в семье. Таким оказался его духовный выбор – многие годы считался не последним человеком в местной общине евангелистских христиан-баптистов. Однако для остальных выбор оставался свободным. Мать - православная. Женя также считает себя православной, притом что церковной жизнью не живет, хотя исповедуется и причащается.

Учились хорошо и в удовольствие. Сама Женька, как и её брат-погодок, Лёша, пошла в школу с пяти лет. После школы окончила колледж технологии и дизайна. Сейчас поступает в педагогический университет и вновь на делопроизводство.

Первые блокпосты

Семья из религиозных соображений всегда была абсолютно аполитичной. Когда в стране начался “майдан” и гражданское противостояние – молились и ни во что не вмешивались. Отец говорил: “Мы ни за правых, ни за левых”. Он и ранее принципиально не ходил на выборы, тут же и подавно “в политику не вмешивался”. Однако политика сама вмешалась – впёрлась обеими ногами в жизнь этого дома: вначале бунт и государственный переворот в Киеве, потом гражданская война в Донбассе.

Женьке крепко запомнился один момент из этих первых дней. Когда киевские силовики дошли до самого Луганска, на блокпостах под Станицей встал “Айдар”. В тот день Анатолий Леонтьевич забрал в Станице детей из музыкальной школы и повез домой. Их битком набитую “Славу” остановили. Проверили. Упырок в камуфляже, потехи ради, гаркнул в открытое окно: “Слава Украине!” - и замер в ожидании. В машине молчали. Он повторил. В ответ упрямое молчание пяти пар растопыренных детских глаз. “Айдаровец” взбеленился:

- Чи не знаете, шо надо отвечать?! Говорить надо “Героям слава!” Понятно?!

И вновь упорная тишина. Отец сидел прямо и смотрел вперед. Женька говорит, что отчетливо видела его побелевшие костяшки на сжатом руле.

Вояка начинал сатанеть – сунул в салон машины автомат и как-то неожиданно тонко, срывая голос, провизжал: “Слава Украине!!!”. И тут случилось нечто: хорошо поставленный хор детских голосов слажено ответил: “Слава Богу!”. У постового случился культурный шок. Он завис, потом неловко стушевавшись, промямлил в ответ: “А... Ну, тада, спасибо...”. И потом, чуть просветлев взглядом, неожиданно добавил: “Езжайте с богом”. На этом блокпосту к ним больше не приставали.

Позывной “Ангара”

Перед войной у Женьки был девичий роман. Общались с парнем почти три года, правда, в основном по

телефону. Весной 2014-го она окончила свой колледж. Мир уже летел в тартарары. Планы на будущее по своей обдуманности напоминали “русскую рулетку”. В этих условиях они вдруг впопыхах расписались, хотя родители были категорически против. Следом, с началом боевых действий и первых обстрелов, она уехала жить к свекрови в Курск. Устроилась на работу в ателье, но всё как-то не задалось, и к сентябрю, с окончанием активных обстрелов, молодая вернулась домой.

Возвращение вышло шокирующим – тут она впервые напрямую соприкоснулась с войной. Дорога из Счастья до Станицы заняла более трех часов – езда черепашьям шагом с постоянными остановками и изматывающие, унижительные “шмоны” на каждом украинском блокпосту. Да ещё на большаке, прям позади их автобуса начался бой. За малым к ним “не прилетело”. Приехала же – словно высадилась в пустыне. Людей нет, маршрутки не ходят, попуток тоже не видно – без машин вообще, пустая дорога. Притом, что добралась до Станицы под вечер, часов в шесть. Вокруг гнетущий антураж – пустые дома, много разрушений и зияющих провалов выбитых окон, безлюдные улицы. Мысли соответствующие:

- Ну, все – попала. Стою одна, связи нет. В Станице, знаю, орудует нацгвардия. Смеркается... - вспоминает Женька.

Спас сосед, каким-то чудом оказавшийся в нужном месте, в нужное время. Не без приключений добрались

до родного села – по дороге их тормознули на очередном блокпосту и не хотели пропускать. И лишь увидев дату рождения (дело было на следующий день после именин), “айдаровец” смилостивился, через губу поздравил с “прошедшим” и все же пропустил.

С молодым мужем жизнь тоже не сложилась. Он оказался, инертным наблюдателем, считал, что надо находиться, как можно дальше от происходящего. Мол, “дурных нема подставляться - разберутся без нас”. Её воротило от этой позиции: “Почему за меня должен решать кто-то? Это моя жизнь. Это мой город. Это моя страна”... Сама же тянулась к друзьям-ополченцам – вчерашним ребятам из Камброта, рядом с которыми она жила у своей тетки и бабушки в годы учебы в колледже.

Да и в целом неглупая девчонка прекрасно видела и понимала, что сделали с её городом. Как он пострадал от варварских, неоправданных обстрелов. Знала, как выживали люди. Не раз сама сталкивалась с киевскими силовиками. Слетающие с её языка термины: “укропы”, “каратели”, “хунта”, “фашисты” и “полицаи” - не ругательства, а осмысленные выводы сложившегося мировоззрения.

Тем временем Отец продолжал поддерживать семью. Работал, возил в блокадный город молокопродукты. И на блокпостах “айдаровцев”, и на позициях ополченцев всегда оставлял молоко и брынзу. Не в виде дани или задабривания “человека с ружьем”. Он просто жил по Писанию. Для

него действительно не было “ни эллина, ни иудея”, а лишь только люди, разделенные и озлобленные войной. Зная об этом, его уважали бойцы по обе стороны фронта. Один раз такое отношение спасло и Женьку. Ведь она, даже начав сотрудничать с ополченцами, все равно еженедельно моталась к своим – в семью. На одном из досмотров у неё как-то обнаружили георгиевскую ленточку. Было всё – угрозы, оскорбления, маты, но дело не дошло даже до побоев: “Та це ж дочка Леонтійовича”. Отпустили.

Вскоре она начала уже всерьез помогать бойцам батальона “Заря”. В ответ дома начались ежедневные скандалы. Девчонка упрямая – заступила в “Заре” на службу у КПП. У мужа начались форменные истерики. Она ушла. Сказке конец. Так Женька стала “Ангарой”.

Казак удалой

В “Заре” она помогала ребятам, занималась делом-производством, имела выход в интернет. Там, в социальных сетях, познакомилась с Виктором – российским добровольцем, бросившим неспешный бизнес в Питере и с июля 2014 сражавшимся под Луганском. Получивший уважительный у казаков позывной “Дон”, он все эти месяцы, что называется, не вылезал из самого пекла. К осени он уже дорос до командира взвода казачьей сотни стоявшей под Станицей.

В перерывах между дежурствами на переходе через мост, удержанием рубежей и постоянным “боданием” с

противником, “Дон” всеми правдами и неправдами создавал ударное противотанковое подразделение: доставал, выменивал, выпрашивал ПТУРЫ и гранатометы, находил и переманивал специалистов, обучал и обкатывал людей. Знакомая с азами штабной работы Женька тут как раз пришлась ко двору. Умения работать с картами в google.maps, компьютерные навыки и основы делопроизводства выгодно отличали её от большинства казаков-ополченцев, а тем более бывших станичников, коих здесь служило немало.

Бои под Дебальцево застали “Ангару” в расположении сотни – девчонку от души завалили штабной писаниной. “Дон” не вылезал с передовой. Общались по телефону. С каждым разом общение становилось продолжительней. Их все больше и больше тянуло друг к другу.

К весне дороги домой не стало. К тому времени по селу поползли слухи, нашлись доброты, и Женьку “сдали”. Сейчас она спокойно констатирует: “Ну, и в войну же были полицаи, как без этого?”. Но тогда Мать по телефону настрого приказала: “Домой не приезжай. Пошли за тебя разговоры. Схватят”.

В конце мая им дали кратковременный отпуск. Поощрили. Они с Доном решили смотаться на неделю в Крым – хоть одним глазком заглянуть в счастливое будущее. Религиозный и глубоко патриархальный Отец эту идею не оценил. Женька до сих пор не может без слез вспоминать свой последний с ним разговор. Так и съездили. Знать бы...

Дым над тропой

31 мая, в день Святой Троицы Анатолий Леонтьевич, взяв 17-летнего Алексея и 14-летнего Данила, поехал на торжественное богослужение в Луганск. Хотя украинские силовики и обещали всех пропускать на Троицу, переход гражданским лицам в день большого религиозного праздника оказался наглухо закрыт. Безрезультатно простояв больше часа, мужчины направились к своему знакомому, тоже члену общины, в Кондрашовку и там провели домашнее богослужение. Уже оттуда решили все равно пройти в Луганск: родня, церковь, как же так – Троица ведь?!

Из Кондрашовки вела укромная тропинка, о которой, впрочем, все знали. Люди по ней ходили, хотя военные все время грозились её перекрыть. Но Отец решил пойти – посмотреть, есть ли путь в город.

Около полудня Лёша позвонил домой, сказал, что, дескать, всё нормально, богослужение закончилось, они уже собираются домой. Потом долго никто не звонил. Материнское сердце что-то почувствовало – она набрала, мол, “вы где?”. И вновь ответил Лёша:

- Мам, мы уже идем, хотим посмотреть тропинку – можно ли будет пройти? Сегодня, говорят, мирные здесь ходили, значит, и мы сможем.

Так они и пошли: впереди любознательный Даник, за ним Отец, замыкал Алексей. Поговорив по телефону с

матерью он, приотстал, как говорится, “по малой нужде” буквально на десять шагов. Это-то его и спасло. Грянул взрыв. Не растяжка. Рванул фугас или тяжелая мина, на которую наступил Данил. Мальчика буквально порвало взрывной волной в клочья. Отца тоже сильно покромсало осколками, но он еще непродолжительное время был жив и даже находился в сознании. Улыбался, пытался успокоить старшего сына и говорил: “Я – к Богу!”. Сам Лёша не пострадал. Он кинулся на автостанцию звать на помощь. Люди пришли. Тела собрали. Отвезли в морг. Всё.

Когда забирали, по дороге из Станицы в родное село на одном из блокпостов нарвались на отморозков из нацгвардии. Вначале вояки прицепились к гробам.

- Что в гробах?! Перевозите или пустые?

- Нет, не пустые. На похороны едем. Вот справки и свидетельства о смерти...

- Плевать! Открывайте...

Заставили открыть. Потом начали проверять документы и сличать их с изуродованными останками. Все это сопровождалось смехом, издёвками и глумливыми комментариями.

- Что?! На ту сторону захотелось, к сепарам! А вот нечего шастать! Получили, что хотели.

Особо “воякив” повеселило, что младший не дожил месяца до своего пятнадцатилетия. Одним словом, оттянулись хлопці на славу. Всей процессии – убитой горем матери, бабушке, теткам и прочей родне доходчиво рассказали: что нацгвардия думает про горелую вату, колорадов и порционные куски сепаратистов.

Дети очень тяжело перенесли трагедию. Дима – брат-близнец погибшего Данилы две недели не мог есть, нормально спать, не заходил в комнату, где они жили с Даником. Не менее тяжело перенес утрату и Лёша. Про Мать и говорить нечего...

Месть не женское дело

После гибели родных Женька забыла о былом миролюбие и отцовском нейтралитете. Если раньше война не касалась её лично, то теперь она знала, что назад дороги нет. И понимала, кто должен ответить за отца и брата. Практически сразу разведка казаков выяснила, что мину поставили днем, когда в направлении Луганска уже прошли первые люди. Поставили специально, с единственной целью устрашения – отвадить упрямых станичников “шастать” в осажденный город. В город, в котором у большинства были родные, работа. Город, без которого Станице, накрепко завязанной на Луганске всеми жизненными и экономическими связями, попросту не выжить. После глумления над останками Данила и отца, после крови, ужаса и страха всей войны она хотела мести,

хотела крови. И главное, у неё оказались не только причины, но и возможности конкретно взыскать по этому счету – такое не прощают.

Однако тут вмешался “Дон”. Он четко сказал: война дело не женское, а вендетта тем паче – традиционно дело мужчин. Слово с делом у доросшего до начштаба батальона ополченца не разошлось аж ни разу.

Вскоре наблюдатели вычислили хитрую усадьбу на окраине, в которую повадились наведываться увешанные оружием бородачи в дорогом натовском камуфляже. Идентифицировать чеченцев из батальона им. Джохара Дудаева особого труда не составляло. В один из дней, когда в усадьбу заехала особо представительная делегация, следом за ними в окно прилетел реактивный снаряд ПТРК “Фагот”. Что может натворить противотанковая кумулятивная ракета в закрытом помещении - военные понимали хорошо. Для того и посылка.

Перед операцией Женька от руки написала на небольшой бумажной ленте пару слов пожеланий оккупантам, подписала свой импровизированный транспарант: “За папочку!” и, по-девичьи аккуратно, приклеила его широким скотчем к пусковой трубе ракетного комплекса. А после операции, просмотрев видеоотчет, спокойно отметила:

- За Даника тоже будет. По-любому...

Сама “Ангара”, кстати, боевого оружия в руки не берет. При штабе оно ей ни к чему, а на позициях обходится “Макаровым”, по штатному расписанию положен. Однако за спиной у этой девчонки достаточно людей, которым по силам решить её проблемы. Эта еще одна семья, на это раз – фронтовая. И не только в переносном смысле этого слова.

14 июля сыграли свадьбу. Расписываться не стали: “Кому нужны эти формальности?”. Ответ держали лишь перед Богом - венчались в Николаевской церкви. Перед событием невесте сшили корсет из камуфляжа, и нашли настоящую фату. У “Дона” вообще из всей одежды один потертый маскхалат. Так они и пришли в храм. А вместо обручальных колец подошла чека от гранаты.

– Мы нашли друг друга на войне, полюбили, венчались. Потому и решили такой знак себе взять, - говорит Женька. – Но это не знак смерти. Мы будем жить. Останемся здесь – это наша земля, родная. Никому не отдадим и убежать никуда с нее не станем. Витя хочет завести пасеку. Я буду учиться, обязательно поступлю и закончу институт. Буду работать. И, конечно же, у нас будет столько детей, сколько Бог даст. Хоть десять – опыт есть.

Тонкая прозрачная линия

В неглубокой яме свалены обломки двух гробов. Под толстым слоем грязи можно даже распознать цвета – зеленовато-желтый и насыщенно-синий. В перевернутой крышке желтого гроба лежит скомканная куртка военного хэбэ. И форма, и бязевая обивка крышки покрыты округлой белой крупой. Вникать, что это такое, категорически не хочется. Сверху на шею свинцовой тенью давят тучи. Непрестанно идет морозящий дождь. Даже небесам тоскливо на этом пустыре. Мы по щиколотки в грязи стоим у ям. Впереди за пустырем видны руины измочаленной в хлам Новосветловки, а сзади – ограда Свято-Покровского храма. Мы – это миротворческая группа: луганские “афганцы”, российские общественники и представители украинского “Офицерского корпуса”. Плюс журналисты: корреспондентская группа Луганского информационного центра и тележурналисты “СТБ” от Украины. Миссия предельно проста – передать украинской стороне тела шести военнослужащих, убитых в летних боях за Новосветловку.

***

“Передать” – звучит просто. Однако по логистике обеспечения это почти военная операция. Началось все ран-

ним утром. Основную согласовательную работу проделали наши “афганцы” – Глава Луганского Союза ветеранов Афганистана Сергей Шонин да его зам и верный соратник Виктор Муха. Сколько времени и сил потребовалось на взаимное согласование по обе стороны фронта – одному Богу известно, но сегодня мы с вооруженным комендантским эскортом уже выдвигаемся к блокпосту у города Счастье.

Некогда разделенная отбойником шикарная трасса изувечена воронками. Отбойник во многих местах закручен и порван взрывами. Машины постоянно перестраиваются с правой стороны на левую прямо по разжеванным в кашу газонам. Дорого покрыта равномерным слоем грязи. У блокпоста картина, как в Первую мировую: капониры, блиндажи, траншеи и ходы сообщения в полный рост. Везде покрошенные в щепу деревья, мусор и всепроникающая непролазная грязь. Здесь, на фоне унылого военного пейзажа, под нескончаемым промозглым дождем стоят бойцы ополчения. Вышли. Обнялись с мужиками. По фронтовой традиции соприкоснулись плечами, словно на мгновение поддерживая друг друга. Дальше двигаться нельзя: через километр триста – блокпост “укропов”. Иначе здесь противника не называют. Мост, говорят, заминирован. И – да: “Машины отгоните за посадку – не дробите корректировщиков с “той” стороны”.

Пока загоняли транспорт, “афганцы” выставили из окна парламентарский флаг организации и поехали на

ту сторону. Витя Муха со смехом рассказывал, что “айдаровцы” в прошлый раз пообещали его посадить на пару дней “на подвал”. Мол, “шибко борзый”. Шутили или нет – никто не знает. Но он поехал. Через пятнадцать минут вернулись. Следом за бусиком “афганцев” пришла “Газелька” с бумажными прямоугольниками на стекле: “Груз 200”. Это – первый этап нашей операции: встреча “труповозки” и представителей украинской общественной организации “Центр освобождения пленных “Офицерский корпус””. Вместе с ними несогласованно приехали и журналисты СТБ. Имеют право. Правда, мне сложно представить наших журналистов на территориях, подконтрольных, например, батальону “Айдар”.

***

Следующий пункт – Новосветловка. Именно там эксгумировано шесть тел одностороннего обмена. Назад возвращаемся в бусике, сидя прям на головах. В кабине “труповозки” ехать желающих не нашлось. Украинские телевизионщики Боря и Алексей напряжены и молчаливы, но работу свою делают четко – прямо из залитых дождем окон снимают разрушения, останки военной техники и остовы уничтоженных украинской артиллерией объектов. Поглазеть им есть на что. Бывший стационарный пункт ГАИ ощерился из-под земли тремя осколками фундамента и рассыпался посередине трассы большой кучей дробленого кирпича. Две заправки – газовая и обычная – разметаны прямыми попада-

ниями и полностью выгорели. От танка остался только остов – перевернутая башня валяется поодаль, видимо, сдетонировал боекомплект. Это я уже видел в Афгане – узнаваемо. У башни и остатков брони пожухшие венки и выгоревшие фотографии.

Представитель “Офицерского Корпуса” Алла Борисенко изредка отмечает особо впечатляющие объекты. Телевизионщики воспринимают ее указания, как безусловные команды. Сама немногословна, обстоятельна. В глазах невыразимая тоска.

На въезде в город народ оживился. Журналисты СТБ заметно поражены наличием жизни в Луганске. Остановки транспорта, многочисленные пешеходы, работающие магазины – все это вызывает неподдельный интерес и удивление. Также гостей заметно впечатлили разрушения. При попытке снять с ходу недостроенную 27-этажку за зданием СБУ, “поймавшую” за лето три прямых попадания, оператор заметил:

– Далеко, мне не достать...

– Ничего, ваши гаубицы нормально доставали, – влет парируют наши “афганцы”.

Шутку почему-то не оценили.

Луганск проскочили с комендачами, и на Новосветловку пошли сами – блокпостов внутри ЛНР больше

нет. Ехали молча. Уже на подъезде Алла вдруг открыла на своем телефоне фотографию маленькой девочки и показала нам. Очаровательная кроха, только-только начавшая держать головку. Печальные глаза матери на мгновение озарились внутренним теплом.

– Соломия. Шесть месяцев уже...

Тут уж не выдержал я.

– Тебе надо с дочерью сидеть, а не трупки по всей стране таскать.

– А этим кто будет заниматься? – ровно ответила она.

– Дочь сейчас с родителями?

В ответ Алла грустно покачала головой:

– У меня дома в Киеве живет семья беженцев с Луганска. У них двое детей. Ну, и моя – с ними.

Глаза подернуты траурной дымкой, вокруг темные круги и какая-то еле ощутимая печать неизбежности. Хотел спросить про мужа, да осекся. Как потом выяснилось – правильно сделал.

***

В Новосветловке, прямо над гробами, слушаем Вале-

рия Приходько – представителя российской общественной организации с длинным неудобоваримым названием “Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности”.

– Откуда тела, мы не знаем. И выяснить теперь не у кого. Здесь стояли части Львовской 80-й отдельной аэромобильной бригады ВДВ ВСУ, бойцы “нацгвардии” и территориального батальона “Айдар”. Покойники, говорят, были после ранений. У одного, якобы, отсутствовали внутренности. Кому именно принадлежат эти тела, узнать можно, если задать соответствующие вопросы тем военнослужащим, кто находился здесь во время боевых действий. Местные же ничего не знают. Их согнали в Храм, обложили зарядами и сказали, что все заминировано. Потом привезли два тела и велели похоронить. Жители села похоронили их тут же за оградой. По-людски похоронили, с соблюдением обряда православного и в гробах. Еще четверых военнослужащих украинские силовики самостоятельно закопали в сотне метров, на пустыре.

Осмотрев точку эксгумации, Борисенко вдруг решила забрать форменную куртку. Принесли один мешок для транспортировки трупов, Шонин помог ей взять мешком куртку. Оттуда посыпалась эта округлая крупа – мертвые опарыши, облепившие гроб и хэбэ, попали на руки девушки. Алла абсолютно равнодушно отряхнула рукав. Не впервой, видать. Самообладания не отнять. Едем дальше...

***

Теперь я точно знаю, как выглядит ад. Не тот с котлами, рогами и “скрежетом зубовным”, а настоящий, человеческий. На самом деле, преисподняя – это бывшая уличная подсобка Краснодонского отделения судебно-медицинской экспертизы. Помещение 2,5 на 3,5 метра. Ну, это как ваша совмещенная с туалетом ванная или чуть-чуть поболее. В этом закутке два десятка человеческих тел, упакованных в простыни, покрывала, мешки или полиэтилен. Тела давнишние, лежат с лета, уже не раз замерзали и не раз оттаивали. Они текут. От запаха слезятся глаза и останавливается дыхание. Света там нет – только скудный фонарик заведующего отделом судмедэкспертизы, самоотверженного врача Алексея Витальевича Самойленко. Останки вперемешку и в несколько этажей. Гражданские, военные, неопознанные, не востребованные выехавшей родней, просто бомжи – кого только нет!

Два мужика, присланные из Краснодонского КПЗ, отрабатывают свой “залётный” наряд – грузят наши трупы. Каждые пять минут, не всегда сдерживая рвотные позывы, по очереди выскакивают отдышаться. В глазах кромешный ужас. Слишком все просто, слишком все страшно, слишком все по-настоящему. Вот это – заправдашний ад, а не голливудские пафосные картинки.

Погрузка шла долго, практически до вечера. Тела надо было найти, опознать, вытащить из общей кучи, упаковать вначале в специальный мешок, а потом в гер-

метичный полиэтиленовый рукав, затягиваемый скотчем. Пока шла работа, мы разговорились с женщиной из магазинчика ритуальных услуг, что на территории больницы. Татьяна оказалась живым свидетелем летней оккупации. Удивилась нашей миссии.

– Да вы у нас в Новосветловке к любому подойдите! Вам каждый покажет, где этих тварей прикапывали! Ведь они своих бросали, как падаль! Лето, жара, трупы раздутые, лопаются, с них течет, мухи... Мы их прямо у дорог закапывали.

– Сами-то “укропов” видели?

Татьяна аж задохнулась:

– Да я до сих пор не понимаю, как выжила!

Далее – сбивчивый поток сознания о пережитом ужасе. Шокировать не буду, просто один показательный эпизод. В Краснодонской больнице свыше двух месяцев лечили мужчину, серьезно повредившегося рассудком в период временной летней оккупации. Причина проста: в подвале, где они прятались от непрерывных обстрелов, вместе с ними отсиживались “айдаровцы”. Попеременно они насиловали жену и тещу связанного и забитого в угол мужика. У него на глазах – насиловали.

Подчинившись некому внутреннему импульсу, говорю ей:

– Можно я приведу сюда двух киевских журналистов, и вы им расскажете все, как было в те дни?

Через минуту Боря и Алексей сидели в магазинчике и, не расчехляя камеры, слушали Татьяну. Слушали очень внимательно, дома им таких подробностей точно не услышать.

***

По окончании погрузки записали официальную часть. Алла Борисенко была совершенно искренне благодарна нашей стороне.

- Без помощи луганских “афганцев” – Сергея Шонина и Виктора Мухи – наша деятельность на территории Луганской Народной Республики была бы невозможна.

Говорили о дальнейших планах. Ведь не секрет, что только на территории ЛНР находятся тысячи несанкционированных захоронений. Причем не только в земле. Есть пока непроверенные сведения об утоплении в болотах, сбрасывании тел в шурфы, закатывании останков своих бойцов украинскими силовиками бульдозерами во впадинах и карьерах.

Сергей Шонин был на этот счет предельно четок:

– Если говорить об общем числе, то, скорее всего, речь может идти о тысячах подобных захоронений на территории Луганщины.

Шли назад уже затемно. Ребята из СТБ “разогрелись”. Старший съемочной группы Борис все пытался добиться от меня и от Мухи подробностей начала восстания, бомбоштурмового удара по зданию бывшей областной администрации, расстрелу Луганска и началу боевых действий. И, что меня поразило, он действительно хотел разобраться в ситуации! Более того, говоря о федерализации, русском языке, выпытывая суть наших требований, он действительно пытался нащупать, уловить тот зыбкий путь, который может привести Украину если не к миру, то хотя бы к началу диалога. Как минимум – к прекращению братоубийственной войны. Коллега реально хотел понять, как и чем можно остановить кровопролитие.

И я не просто уверен, а четко знаю это, так как видел тот сюжет, который они выпустили. В этой новости СТБ не было ни грана лжи. В нем не было ни одного передергивания или искажения смыслов, на которые так щедрны украинские средства массовой информации.

Недавно брал интервью у известного луганского ученого – философа и религиоведа Константина Дервянко. Он высказал достаточно простую мысль: “Через нас проходит геополитический раскол между Россией и Западом, а Украина, попавшая в этот разлом, больше не держится православными скрепами”.

Возвращаясь домой, я вдруг подумал, что вот эта гуманитарная миссия и есть та самая, практически незри-

мая скрепа, все еще удерживающая всех нас от срыва в окончательный кровавый хаос взаимной ненависти и истребления. Ведь да – в масштабах тысяч не поднятых тел – сделанное нами – ничто. Но! Шесть конкретных матерей получают тела своих детей. Для человеческого отпевания, захоронения и вечного пристанища. Для каждой конкретной семьи сделанное нами – “афганцами”, доламывающими очередную войну, молодой мамой и уже вдовой Аллой, водителем “Офицерского Корпуса” Сашей, бывшим спецназовцем Валерой из “Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности”, журналистами информагентства и нашими коллегами из СТБ – это реальный подвиг. Самой своей миссией мы, как тонкая прозрачная линия, стоим между ненавистью, жаждой мести и взаимным истреблением.

Завтра мы поедem менять пленных. Тоже в одностороннем порядке. Просто возьмем и отдадим сопливых мальчишек приехавшим за ними матерям. Потому что так надо. Потому что так – правильно. Потому что это – наша миссия...

Уроки ненависти

Игоря Мирошниченко

Напротив меня молодой парень: модная стрижка, вьющаяся русая борода и цепкий, испытующий взгляд. Отчетливо вижу глаза “человека с прошлым”. Не спутать ни с чем - перед взором двадцатитрехлетнего парня уже прошли вырезанные правосеками блокпосты, бои под Славянском, сбитый вертолет генерала Кульчицкого, сбор разведданных, предательство товарища, плен, две недели истязаний и пыток, приговор суда на 15 лет строгого режима, обмен пленными, и вновь война в Дебальцево да бои под Станицей. Опять павшие и раненые товарищи. Таков жизненный путь бойца ополчения Игоря Мирошниченко с позывным “Хакер”.

Студент

Игорь родился 23 года назад в мирном, тихом Красном Лимане, что в Донецкой области - курортный городок в 30 км от Славянска. Сказочные места так называемой “Донецкой Швейцарии” - санатории и дома

отдыха в лесах возле Голубых озер. Родители, уроженцы Ростовской области, переехали в этот благословенный край за несколько лет до развала Союза.

Обычная семья, счастливое детство, рядовая школа. По окончании поступил в Славянский авиационный колледж на двойную специальность авиационного механика и автомеханика по обслуживанию всей автомобильной техники, работающей в аэропортах страны. Даже немножко успел поработать по специальности. Но денег катастрофически не хватало - пошел искать более хлебное место.

Начал с торговой сети “Мобилочка”, где толковый паренек, хорошо разбиравшийся в технике и в компьютерах, менее чем за год стремительно продвинулся от рядового продавца-консультанта до управляющего торговой точки. Став достаточно продвинутым IT-специалистом перешел отсюда в торговую сеть “Фокстрот”. Собирался учиться дальше, да тут случился Майдан.

Пока в Киеве скакали - Донбасс работал. Игорь говорит, что это его тогда не касалось. Своих проблем хватало: болела Мама, нужны были деньги, поэтому приходилось ежедневно доказывать, чего ты стоишь: “В политику вообще не лез, лишь бы политика меня не касалась и давала спокойно работать”. Но жизнь распорядилась по-своему, и вот вокруг Славянка появились первые блокпосты.

Ополченец

В Пасхальную ночь 20 апреля 2014-го вооруженные бойцы “Правого сектора” в районе “Масложир” безжалостно перебили самооборону блокпоста, расположенного в направлении Череповки. Из всего оружия у стоявших там, как живой заслон, людей были лишь иконы. Однако это нападавших не остановило. Три трупа, раненые.... Показательная расправа, совершенная в великий православный Праздник, это демонстративное зверство против мирных граждан и стало спусковым крючком. Народ всколыхнуло.

Игорь, знавший и любивший Славянск, ставший для него вторым родным городом, бросив всё, ушел в ополчение. Попал в группу Антона с позывным “Зверь”. Поначалу там с оружием дела обстояли очень плохо - один автомат на троих да патроны на счёт. Потом стало полегче. Получил первое оружие: пистолет Макарова, укороченный автомат АКСУ. Очень быстро стычки переросли в полноценные бои. Подразделение, где воевал Мирошниченко, несколько раз серьезно отличилось. Вместе с боевыми товарищами Игорь участвовал в захвате легендарной самоходки “Ноны”, попившей потом столько крови киевским карателям и на Карачуне, и на других рубежах обороны. Бойцы именно его отряда сбили вертолет генерала Кульчицкого, что бы потом не писали украинские СМИ о коварном российском операторе ПЗРК, поставившем жирную точку в карьере braveго генерала. Было всё - и обстрелы блокпостов, и

нападение диверсионных групп, артиллерийские и авиационные бомбоштурмовые удары.

- Вокруг такие же пацаны. Всем по 18-20 лет. Ни дня, как и я, не служившие в армии. Все учили по ходу. Правда, не все после учебы выжили, - грустно улыбается Игорь.

- Наш блокпост держал проход между Красным Лиманом и Краматорском. Такое мощное укрепление, отлитое из бетона. Даже их артиллерия и САУшки не могли нас отсюда выбить. Тогда они подняли откуда-то из-под Харькова или Чугуева пару Су-25 и в четыре захода нанесли массивный БШУ по блокпосту. Разнесли всё в хлам. Двоих ранило, но никто не погиб. После этого часть нашего отряда ушла в Горловку, а часть в Славянск. Выводом людей тогда занимался Моторола, очень грамотно вывел. Я оказался в группе возле завода “Стирол”, - рассказывает он.

- Только стало налаживаться, и тут позвонил мой дядя: “Матери срочно нужна операция на сердце. Бегом домой!”.

Пришлось Игорю вернуться - прямиком в оккупированный киевскими силовиками Красный Лиман.

Невидимка

До родного города добрался нормально. Времени не было разбираться - нужно было срочно искать деньги на операцию. А где их искать, кроме как заработать?

- Поначалу работал как проклятый: днем на стройке, вечерами подрабатывал грузчиком. Потом нашел частного предпринимателя - там стало и денег побольше, и работа уже не так выматывала. Но все равно чувствовал себя, как в тылу врага, - говорит Игорь.

А тут еще - в доме по соседству - обосновались правосеки. Мирошниченко без дела не остался. Собирали информацию по передвижению и местам дислокации противника. Нашел канал связи. Как продвинутый “ай-тишник” парнишка разобрался с технологиями электронной передачи данных, что не перехватить и не “спалиться”. Появился способ передавать координаты.

Интересным решением оказалось “ноу-хау” съема информации. Собирали для наблюдения обычный автомобильный видеорегистратор, батареи, компакт-диск. Готовый блок монтировал в обыкновенный скворечник, который направленно вешал при попутном монтаже линии связи.

Жизнь начала налаживаться, Матери провели успешную операцию, Игорь начал думать о возвращении в строй. Однако, как зачастую в реальной жизни, беда пришла, откуда никогда не ждут - нашелся предатель.

Пленный

Парень, с которым Игорь проработал два года в торговой сети “Фокстрот” пришел в ближайшую коменда-

туру и просто написал заявление. В своем добровольном доносе он слил всё, что знал и что придумал сверх - даже написал, дескать, Игорь командовал САУ “Твоздика”.

- Мне даже очную ставку с ним делали, - рассказывает Игорь. - Но к тому времени я уже был настолько забит и дезориентирован, что даже не посмотрел ему в глаза.

Взяли Мирошниченко “ВСУ-шники” - 95 Житомирская отдельная аэромобильная бригада ВДВ. По жестокой иронии судьбы их база располагалась в общежитии Славянского колледжа, где когда-то учился Мирошниченко.

У военных, как и всех украинских силовиков, был свой отлаженный, бесперебойно действующий пыточный конвейер. Там же в общежитии, на пятом этаже. Все транспортировки сопровождалось неминуемым полиэтиленовым пакетом на голову. Пакет обыкновенный, мусорный, но всегда намочен в солярке. Этот запах заставлял задыхаться, путал сознание, загоняя несчастных пленников в сумеречную прострацию. Перед допросами, всегда сопровождавшимися издевательствами и пытками, раздевали догола. Парень рассказывает, что психологически это было даже тяжелее избиений.

- Приняли жестко. Первый день в плену я до земли не долетал - вшестером футболили ногами, пока я

окончательно не вырубился, - говорит Игорь. - Вначале не понял, куда попал, но потом, чуть отойдя от постоянных побоев, уже по нашивкам, по флагам разобрался.

Все палачи в новенькой натовской форме, явно не с передовой. Все в масках, которые никогда не снимали. У всех новенькие берцы и оловянные глаза за прорезью балаклав. Нелюди.

Пыточные, рассказывает Игорь, представляли собой обычную комнату с решеткой или шведской стенкой, к которой пристегивали истязаемых. В ход шли обычные палки, шланги и стальные прутья. Лупили, не разбирая, и выборочно. Особо мучительной пыткой оказалось битье по пяткам. После двух недель пыточно-го конвейера Игорь месяц не мог стоять иначе, чем на носочках. Четырнадцать суток реального ада. Тело как один огромный синяк. Парню сломали руку. Перебили две ребра. Рукоятью пистолета пробили голову. Раскошенные коренные зубы. Разрублено лицо под скулой - огромная гематома на половину лица.

- Мне, конечно же, повезло, - говорит Игорь. - Одного мужика молотили так, что его сломанные ребра проткнули внутренние органы. Он умер в страшных мучениях у нас на глазах. Одного просто расстреляли - просто так. Второго пристрелили походя. Говорили, что при попытке бегству, но куда там бежать? Видно, у человека просто нервный срыв случился, он дернулся, а его грохнули из пистолета, как собаку.

- Раз как-то привязали кого-то нагишом к машине и таскали кругами по двору, остальных заставляли смотреть. И говорят нам: “Не скажете - завтра вас так катать будем”. Визжащее окровавленное мясо. Так и таскали несчастного до смерти. Кто пытался опустить глаза или отвернуться - страшно били.

Пленных не кормили. Вообще. И не поили. Люди собирали снег и воду с подоконников.

Мирошниченко повезло и тут. Один боец, видимо знавший Игоря по мирной жизни (говорит: “Глаза знакомые”), как-то дал тому поесть - одна консервная баночка кильки. Единственная еда за две недели.

Обычно человек, который пытался держаться, выдерживал три-четыре дня, потом подписывал все, что давали палачи. Игорь держался больше недели. “Как выжил - до сих пор не понимаю”, - удивляется он.

Однако после двух недель ада часть пленников вместе с Мирошниченко отвезли на Карачун, где оказались катакомбы и подвалы. Там пленников уже кормили. Правда, раз в три дня. И даже поили. Да и били в разы меньше, разве когда пьяные приходили “оттянуться”. Пьянствовали они, к сожалению, частенько, однако ни в какое сравнение с тем, что пережили пленники перед этим, эти пьяные забавы, разумеется, не идут. Можно считать за санаторий.

Обвиняемый

После еще двух недель пребывания в катакомбах Карачуна, Игоря внезапно подняли ночью, надели чужую шапку, непрременный пакет с солярой и вывезли в Днепропетровское СБУ. Там уже не били. Более того, увидев, в каком состоянии прибыл подозреваемый, оперативники тщательно сфотографировали все побои - мол, “это не мы”. Из медицинской помощи дали бинтик и перекись водорода. Вылечили, одним словом. Рука и ребра срослись сами. Не прошло и месяца, как смог становиться на пятки.

Быстро сшили дело. Всё как положено - следователь, адвокат. Инкриминировали “террористическую” 258 Статью УК. Следом прицепили 263 “оружейную” статью - дома у Игоря при обыске удачно “нашелся” весьма серьезный гранатомет РПГ-26.

Окончательно погубила парня групповая фотография ополченцев на фоне сбитого вертолета генерала Кульчицкого. Где СБУшники взяли это фото, кого они захватили ранее, Мирошниченко не знает, но идентифицировали его улыбающееся лицо на фотографии они однозначно. Отпираться было бесполезно: 15 лет без права амнистии.

После приговора перевели в СИЗО. Посадили к воякам. Уголовники же принципиально придерживались аполитичной линии, жили по своим понятиям и с миром “политических” не пересекались.

- Среди воров, особенно проходящих по тяжелым статьям с длительными сроками, были люди рвавшие в ополчение, - рассказывает Игорь. - Одни прямо говорили: “Да я пойду и совершу подвиг. Лучше рискнуть, чем тут пятнашку корячиться!”. Но были и другие, поддерживающие Украину.

Освобожденный

Еще до приговора начались “мутные движняки”. Вначале один из следователей предложил свои услуги, точнее сделку: за 50 тыс. грн. поменять статью на более легкую (от 3-до 7 лет) или поставить на обмен пленными. Денег таких, конечно же, не было. Мать безрезультатно писала жалобы и ходатайства. Оставалось ждать этапа. И вновь вмешалась судьба в виде Минской формулы обмена “всех на всех”.

26 декабря 2014 колонна из девяти автобусов пленников прибыла к точке обмена. 225 ополченцев и гражданских лиц, попавших в жернова украинского правового беспредела, в тот раз обменяли на 151-го украинского силовика. Никаких документов украинские власти никому не вернули. Мирошниченко собственноручно написал заявление на обмен. Всем ополченцам сказали: “Вы по-прежнему в розыске. Вас будут искать, находить и сажать на конкретные сроки”.

При этом настоящих ополченцев в партии было не более трети. Большинство же - обычные граждане, так

называемые “бытовые сепаратисты” или “диванные войска”, схваченные по наводке знакомых или за неудачное слово. Достаточно одного паблика в Фейсбуке или другой соцсети, чтобы ночью вломились СБУшники. Потом человека поставят на пыточный конвейер, где за три-четыре дня любой подпишет всё, что скажут. Обычная практика - параллельно подкинуть тротилловую шашку или гранату РГД-5. Причем в пластиковом канцелярском файле, стерильные - без отпечатков пальцев. Отпечатки им не нужны - все, что нужно, потом выбьют в виде признательных показаний. Таковы нынешние нормы украинского процессуального делопроизводства.

- Они ведь лупят смертным боем всех - нас, гражданских, женщин, стариков - без разницы. Признаваемость 100%. Забитых до смерти никто не считает, - рассказывает Игорь.

В Авдеевке освобожденных предъявили прессе и представителям ОБСЕ. Оттуда отправили в Донецк, поселили в общежитии. Всех проверили, попутно выявив шестерых “засланных казачков”. Один глубоко законспирированный “розвідник” даже прибыл на обмен с деньгами и удостоверением “сотника майдана” в кармане.

Освобожденным помогали чем могли. С ними работали психологи, ведь физически восстановиться оказалось легче, чем психологически. Многие вернувшиеся из плена не выдерживали - нервные срывы, истерики. Люди не спали по ночам, многие были морально сломаны и раздавлены.

Огромную помощь оказывали волонтеры Валя и Галя. Оформляли документы, помогали со статусом беженцев, тем, кто хотел уехать в Россию. Но Игорь посчитал просто: “Не забудем, не простим”. И пошел в Донецкий военкомат искать место в строю. К его удивлению места не нашлось - Новый год, Рождество, “полный комплект”. Кто-то подсказал, что в Луганске таких проблем не будет. Волонтеры не подкачали - уже 6 января парень прибыл в город и определился в Первый казачий полк им. Платова (ныне 11 бтсро - прим. ред.).

Минометчик

Новогодние каникулы окончились для Игоря не начавшись - бои под Дебальцево, первая атака на Санжаровку, неприступные оборонительные сооружения киевских силовиков. Перед самой ротацией совсем уж не повезло. Две ракеты украинского “Града” попали в дом, где располагался его взвод. Удача, что все выжили, хотя Мирошниченко и его товарища, молодого парня Игоря Каратаева с позывным “Капай” завалило разбитой крышей. Наш герой две недели не мог разогнуть спину и выполнять какие-либо работы, Каратаев же ушиб шейный отдел позвоночника и почти месяц ходил в нашейном корсете. Лечились уже дома - всё подразделение по ротации отправили назад, под Станицу.

Всю весну и нынешнюю половину лета парням приходится жарко: практически каждодневные обстрелы, “бодание” с РДГ карателей и броней противника, ведущей обстрелы из-за реки.

Неделю назад глупо погиб боевой товарищ Игоря - Виктор Николаев. Вместе с ним был тяжело ранен Каратаев. В тот день двойка из снайпера и оператора ПТРК искали место для противотанковой очередной позиции. На подходе услышали характерный щелчок и приняли его за рикошет пули - через реку тут частенько работают украинские снайперы, зачастую используя приборы бесшумной стрельбы. Присели, начали осматриваться. Взрыв. Оказалось, что сорвали растяжку самодельной мины. Пятидесятилетний русский доброволец из Йошкар-Олы, археолог, так и не дописавший свою диссертацию, необычайно светлый человек Виктор Владимирович Николаев умер от полученных ран по дороге в больницу. Парнишка “Капай” получил множественные осколочные ранения по всему телу с головы до ног, взрывом ему разорвало рот, перебило фаланги пальцев на правой руке. И... три осколка засело в глазу. Два достали врачи Луганской Республиканской клинической больницы. Один осколок застрял в стекловидном теле, разрушен хрусталик. Парнишку ждет несколько операций. При этом врачи говорят, что зрение ему сохранят.

Игорь Мирошниченко со своей стороны говорит так: “Что поделаешь, это война. Тут всякое бывает... Однако пути назад нет. Ненавидеть меня уже научили. Простить невозможно. У нас один путь. И мы дойдём до победы. Всё остальное - потом...”

Сталинград под Санжаровкой

Грузно осев прожженной, разодранной в клочья литой броней в грязный талый снег, некогда грозный Т-64 напоминает сейчас скорее развороченную братскую могилу, нежели боевую машину. Останков экипажа здесь уже нет, но с правой стороны люка оператора-наводчика выгоревшей башни заметны грязные, шелушащиеся под январским солнцем дымчато-черные потеки. Я знаю, что это такое. Помню из прошлой жизни. Видел в Афгане. Это – жир. Сгоревший жир. Человеческий жир. У него еще есть запах. Он особенный – навсегда въедается в душу и возвращается во снах. Этот запах, знаю, до конца жизни будет преследовать всех тех, кто выжил в Санжаровской мясорубке – битве за высоту 307,9 – одну из ключевых точек в создании “Дебальцевского котла”. Если попавшие в окружение части ВСУ и наемников разгромят, а этому есть все предпосылки, то украинская армия потерпит поражение в зимней кампании, которая, скорее всего, станет поражением и в их войне против восставших республик Донбасса. А значит,

были не напрасны жертвы бойцов и офицеров отдельного механизированного батальона корпуса Народной Милиции Луганской Народной Республики, выдюживших под Санжаровкой свой собственный Сталинград.

***

Высота 307,9 находится на юго-западе от маленького села Санжаровка Артёмовского района Донецкой Народной Республики. Однако, сражаются здесь луганчане – отдельный механизированный батальон корпуса Народной Милиции. Неофициально они называют себя “Батальон им. Александра Невского” или, что чаще, батальон “Август”, в честь Августовской иконы Божией Матери – почитаемой иконы Богородицы, написанной в память её явления в 1914 году русским воинам перед Варшавско-Ивангородской операцией, битвой под городом Августов Сувалкской губернии Российской империи (ныне на территории Польши) в годы Первой мировой войны.

Само село наши взяли с ходу и практически без боя. Единственно, откатив от населенного пункта, украинские силовики нанесли по Санжаровке массированный удар со всех имеющихся в наличии артиллерийских систем. Как всегда пострадали только мирные жители. Прямым попаданием 120-мм минометной мины был разрушен дом, девочка-подросток получила тяжелую черепно-мозговую травму. Ребенка удалось экстренно эвакуировать. А батальон стал готовиться к штурму господствующей высоты.

На стратегически важной высоте 307,9 Вооруженные Силы Украины создали настоящий укрепрайон. Украинские танки “Булат” (модернизированный советский Т-64 – прим. ред.) стояли в капонирах. Перед высотой на танкоопасных направлениях созданы накрытые сетями 3D танковые ловушки. На самой высоте – врытые в землю железнодорожные вагоны, перекрытые в два наката сверху железобетонными плитами и землей. Отрыта сеть инженерных сооружений полного профиля. Оборона была значительно усилена контингентом польских наемников.

***

Перед боем комбат с позывным “Батя” поставил боевую задачу, довел простым, понятным словом её важность до каждого и... перекрестил бойцов. С Богом!

25 января 2015 года в 6-30 началась артподготовка, которая, к сожалению, мало что дала – слишком серьезно окопались. Наемники восприняли обстрел буднично, за что впоследствии и поплатились. Первым, скрытно обойдя высоту, около 9-00 на позиции противника вылетел танк Михаила Савчина с позывными “Монгол”. Один из вражеских экипажей в это время беспечно курил на броне – ведь обстрел же “закончился”! За что и был расстрелян в упор.

Тем временем остальные танковые взводы с нескольких направлений пошли на штурм высоты. Не-

посредственно командовал наступлением на поле боя командир танковой роты Александр Карнаухов. Завязался встречный танковый бой. Потеряв несколько единиц бронетехники, противник откатил назад. Наши машины выскочили на высоту 307,9 и буквально стали закатывать под бетон деморализованных наемников. Отошедшие поначалу украинские танки пошли в контратаку. Наши к тому времени практически полностью израсходовали боекомплект. Начали откат. Отход штурмовой группы координировали Александр Карнаухов и командир танкового взвода Дмитрий Роговский. Откачивались уступами, загораживая друг друга. По фронту их прикрывал танк “Монгола”.

Есть такой закон войны: “Идешь первым – отходишь последним”. При этом в серьезном бою шансы выжить стремятся к нулю. Первая ракета ПТУРС (противотанковый управляемый ракетный снаряд) ударила танк Савчина в область башни. Спасла динамическая защита, но танк встал. Следом, в другую полусферу, ударил еще один гранатометный выстрел. Танк загорелся. Комбат дал приказ покинуть горящую машину. Экипаж приказ не выполнил. Танк продолжал бой, раз за разом, словно тяжелые дюбели, продолжал вколачивать снаряды в наседавшую бронетехнику противника. По радиации слышен был крик Михаила: “Прикрою, мужики! Отходите!” и далее: “Это вам за Семёновку, ...!” – и новый грохот танковой пушки. После третьего прямого попадания ПТУРС жирно чадящий Т-64 “Монгола” запылал

вовсю, но... сделал еще как минимум два прицельных выстрела. Экипаж, сгорая заживо, вёл бой. Успевшие отойти бойцы батальона не могли сдержать слез.

Сразу после отхода по батальону был нанесен массированный артудар – раненых прибавилось. На оставленной высоте жарко горели танки. Поле боя, словно траурной пеленой, покрылось чадом пожарища.

Итоги боя

Потери противника: три танка “Булат” полностью сожжены, несколько танков ВСУ повреждены, однако степень поражения и их ремонтпригодность по понятным причинам установить пока невозможно. Также сожжены две БМП-2 и два БТР-80. Противник, в основном наёмники, потерял порядка шестидесяти человек 200-ми и 300-ми.

Наши потери: два бойца погибли точно, пятеро раненых (в основном, результат артналета после боя) и пять человек на сегодня числятся пропавшими без вести (экипажи 2 танков). Два танка потеряли непосредственно на высоте (одному механику-водителю удалось вернуться). Две бронемшины попали в замаскированные танковые ловушки, однако, без серьезных повреждений. Среди раненых – герой этого сражения, командовавший наступлением непосредственно на поле боя, Александр Карнаухов. Тяжелые ранения в обе ноги, угроза ампутации. Врачи не теряют надежды.

***

Слушая рассказ участников, начинаешь испытывать дежавю – сегодняшней ли это день или рассказ о сражении времен Великой Отечественной? Кто эти былин-ные мужики, заживо сгорая в танке, бились до послед-ного снаряда?

Смотрим: павший смертью храбрых “Монгол” – ко-мандир танкового взвода Михаил Евгеньевич Савчин. Сорокалетний уроженец Луганщины, родом из городка Зимогорье, видимо, в прошлом шахтер – рассказывать о себе не любил, а теперь уж и не узнать. Тридцатилетний командир танковой роты Александр Карнаухов, шахтер из Краснодона. Еще один герой – командир танкового взвода Дмитрий Роговский – 50 лет, шахтер из Лиси-чанска. Комбат – пятидесятилетний Александр Костин, в прошлом майор Ракетных Войск Стратегического На-значения Советской армии, бывший шахтер, отец троих детей, перенесший летом прошлого года два инфаркта подряд. Все батальонные офицеры, все жители Луган-щины, все шахтеры – взрослые, состоявшиеся мужики, вставшие на защиту своего края.

Ну а кто же бьется с той стороны фронта? Обману-тые, затурканные мальчишки с Волыни, Житомира и Львовщины. Отморозки из правого сектора, нацгадов и фашистских территориальных батальонов, вобравших в свои ряды всю мразоту – деклассированное отребье, бесноватый криминалитет и буйную поросль новояв-

ленных нацистов. Наемники из Польши и Прибалтики, на генетическом уровне ненавидящие все русское. Неужели они не понимают, что они все умрут на этой земле? Это же очевидно!

Вот единственно, чего я никак не могу уразуметь – в чем мотивация, за что они решили лечь костями на Донбассе? За жалкие сто баксов в день, за упырей, облепивших украинский властный Олимп? Или за пропитанные могильным смрадом фашистские идеи родом из позапрошлого века. За что гибнет весь этот сброд???

Санжаровская высота на сегодня еще не взята. Крышка Дебальцевского котла тоже пока полностью не захлопнута. Однако это теперь ничего не решает. Здесь, на земле Донбасса – схлестнулись, сошлись грудь в грудь две исполинские силы. Дух русского народа, вобравший в себя все национальности бывшего Союза.

Великодушный, свободолюбивый, алчущий справедливости. Страшный в гневе своем – не терпящий порабощения, произвола и иноземного гнета.

И противостоящие нам бесы Запада – духи растления, алчности, хаоса.

Битва на высоте 307,9 словно рентгеном высветила эти силы. И показала, на чьей стороне будет победа. Ибо победа всегда на стороне правого. “Не в силе Бог, а в правде!” – сказал Благоверный князь Александр Невский, имя которого носит отдельный механизированный батальон корпуса Народной Милиции Луганской Народной Республики.

Три пули разведчика Унгера

Посреди письменного стола лежит маленький марлевый квадратик. Точнее - операционный конверт, в который завернута пуля калибра 5,45 мм. С виду мелкая и неказистая. Самая последняя из трех и... самая проблемная. Я ее видел раньше, правда не так - вживую, а на рентгеновском снимке, где она, словно стартующая ракета, застыла острым кончиком вверх, аккурат, между позвонками шейного отдела и гортанью. Тогда, пробив под острым углом обвес и срикошетив о пластину бронежилета, она вошла в тело, пройдя сквозь рёбра ниже подмышечной впадины. Перебив по пути ключицу, каким-то чудом кувыркнувшись меж сонной артерией, позвоночником и ярёмной веной, она остановила свой путь в мягких тканях горла.

Именно из-за этой “пульки” моего собеседника хоронили трижды: вначале киевские каратели, принявшие в оптику прицелов недвижимое тело за 200-го “ватника”. Потом однополчане, встретившие вышедшего к своим полумертвого бойца, как посланника с того света.

И, наконец, врачи легендарной питерской Военно-медицинской Академии им. Кирова, где эту пулю наконец извлекли. И лишь потом после успешной операции сказали: “Саша, мы не хотели тебя пугать, но раз всё обошлось, то знай - с такими ранениями не живут”.

Мебельщик

Началось все сорок лет назад в далеком августе 1975 года в городке Свердловск, Ворошиловградской области - в простой советской семье родился маленький Саша Унгер. Обычный город, обычная семья. Отец - милиционер, как мог боролся с экономической преступностью. Видимо боролся эффективно, так как был предательски застрелен ночью 1979 года. Удивительно, но сын, несмотря на возраст в четыре годика, помнит тот прощальный папин поцелуй, когда отец заступил на свое последнее ночное дежурство. Утром пришли сослуживцы и принесли страшную весть. Мать, инженер-конструктор ряда промышленных предприятий Свердловска, тянула семью на себе. Надорвалась - в 2004 году ей удалили почку. Сейчас пенсионер, инвалид II группы.

Мальчик звезд с неба не хватал, но и не бездельничал - добротная середина и самая рядовая биография донбасского школьника: учился без провалов - “хорошист”, активно занимался спортом. Как юный рапирист выступал на городских соревнованиях. Позже увлекся боксом, правда, уже не для спортивных достижений, а ради умения защитить себя и близких.

После школы поступил в Международный институт управления бизнеса и права на базе Коммунарского горно-металлургического института (ныне Донбасский Государственный Технический Университет - прим. ред.). Однако, по серьезным семейным обстоятельствам, окончить университет так и не удалось.

Пока учился, подрабатывал водителем. Потом полученные знания и упорство помогли занять управленческие должности на ряде промышленных производств - работал на кирпичном заводе и заводе автоклапанов.

С 1993 года перебрался в Луганск. За это время женился, а в 2000 году у Унгеров родилась дочь Елизавета. Родители вкладывались в ребенка как могли - образовательные кружки, танцы, спорт. Сегодня она успевающий в учебе, образованный и развитый подросток.

В 1998 году Александр решил начать свой бизнес. Много и тяжело работали. Как он образно говорит: “Да - пахали, но ведь на себя!”. Делали мебель, столярные изделия, инкрустации из шпона. При этом производство было социально ориентированным: продукцию выпускали массовую и не дорогую, неимущим и малообеспеченным делали серьезные скидки, со своих работяг три шкуры ни драли. Результат при такой бизнес-модели был вполне прогнозируемым: крепкое производство практически не развивалось и рынка не захватывало, а собственник ездил на скромной машине ВАЗ 2121 “Нива”, от которой впоследствии и получил свой боевой позывной: Саня “Нива”.

Ведь бизнес Унгер устоял, это сама страна рухнула - началась война.

Доброволец

В ноябре 2013 он со своим напарником поехал в Ровно заключать договор с заводом-производителем исходных материалов для мебельного производства. Возвращались 20 ноября, в самый разгар майданных страстей. До вечера блукали, пытались проехать Киев. Там, говорит, он воочию увидел первые признаки национального беснования. Страна день за днем слетала с катушек. Уже в феврале 2014 в Луганске бывшие бандюки, в очередной раз срочно перекрасившись в новые политические цвета, устроили стрельбу в самом центре города.

Сегодня Александр рассказывает о том времени так: “Все происходящее я воспринимал, как чистое безумие. Почему никто не хотел замечать очевидного - попрания наших, безусловных прав? Права на язык, на веру, на родственные отношения с братской для нас Россией. Почему отстаивание своих исконных прав и свобод или, например, то же неприятие наглого переписывания истории с их стороны воспринималось как тяжкое преступление? И главное - ведь с нами никто даже не пытался разговаривать. Ведь ни разу! Нас просто пришли тупо ставить в стойло! Ну, конкретно, как скот!”.

Тем временем кровавый шабаш нарастал, ежедневно повышая ставки. Корсунь. Запорожье. Потом Одес-

са. И вот Луганск - бомбоштурмовой удар по зданию областной государственной администрации. А следом, еще кровь на ступеньках не остыла, как стеной поднялся неистовый свидомый вой и циничные вопли СМИ о взорвавшемся кондиционере. Это и стало последней каплей. Унгер понял, что - всё, мира не будет. На следующий день после удара по обл администрации он пошел записываться в ополчение.

На тот момент в Луганске насчитывалось всего два легитимных боевых подразделения - батальон “Заря” и военная комендатура. Унгер, не выбирая, просто пришёл и записался в разведку, подчинявшуюся комендатуре. Вскоре начались боестолкновения. И тут, как и на любой войне, разведподразделения по-умолчанию оказались на самом острие. В критических моментах, как, например, в летних боях обороны Луганска, их стали бросать на усиление - в первую линию, в самое пекло.

Вместе с бойцами разведки Унгер принимал участие в боях за Металлист, Юбилейный, Сабовку, Георгиевку. Ко времени стабилизации фронта они уже, в основном, ходили в глубину линий противника: вскрывали координаты обстреливающих Луганск артиллерийских батарей противника, фиксировали точки расположения складов, транспорта.

Были и нестандартные задачи. Так, Александр участвовал в захвате выживших лётчиков самолета Ан-26, сбитого в районе Давыдо-Никольского. Одного пилота взяли

местные Краснодонского ополчения, а вот второго - как раз разведчики комендачей. Причем взяли в буквальном смысле слова - скрутив, при попытке застрелиться. К уроженцу Винницы, бортмеханику Сергею потом приехала мама - Мария Васильевна. Прибыв в подразделение комендантского полка, женщина была просто ошарашена. В медицине это называется “когнитивный диссонанс”, а на улице “разрыв шаблона” - её ожидания и реальность вошли в неразрешимое противоречие. Бедная женщина, уже оплакивающая своего наверняка кастрированного и безусловно изувеченного “сыночку”, увидела того в полном здравии - сытого-умытого, одетого в новенькую гражданскую одежду. А ведь она морально уже была готова лицезреть толпы озверевших русско-башкирских спецназовцев и, главное, украинскую страшилку номер один: злобных чеченов, непрестанно насилующих женщин и детей.

Вместе с матерью пленного сына разведчики проехали по всему Луганску - показали город, разрушения, дали поговорить с горожанами. И... отпустили домой. Расставаясь, бортмеханик молчал, мать плакала. Когда их посадили в автобус, Сергей вдруг сказал: “Я за штурвал самолета больше не сяду никогда. Клянусь!”.

После на связь выходила его жена - Людмила. Тоже плакала, тоже благодарила. Говорила, что если Бог даст им сына, то назовут они его в честь командира разведчиков Михаила Гончарова с позывным “Дубки”. Правда, если случится такое, ему об этом уже не узнать - Миша погиб через полгода.

Разведчик

Тем временем сержант Унгер, что называется, не вылезал с передовой. В ноябре 2014 в Станично-Луганском районе его группа выявила позиции ВСУ в районе Валуйского. В декабре они обнаружили склады в Камышном и Верхней Ольховой. По данным разведки Унгера и его группы, нашей артиллерией было уничтожено порядка 50-60 единиц бронетехники и артиллерийских установок противника. Все обнаруженные склады наши также накрыли. Офицеры-артиллеристы, имевшие за плечами советскую армейскую школу, смеялись: “Сань, тебе бы в Союзе уже с Орденом Боевого Красного Знамени ходить, если б не “Героем”...”.

В январе разведчики комендатуры успешно провели операцию сопровождения и обеспечения безопасности работы большой группы журналистов вдоль всей линии фронта - от Свердловска до Фащевки. Противодействовали вылазкам вражеских диверсионно-разведывательных групп, проходивших на снегоходах почти до ВВА-УШа (военный городок бывшего военно-авиационного училища штурманов, юго-восточные окраины города - прим. ред.) и запускавших оттуда беспилотники ВСУ, ведущие безнаказанную артразведку. Потом по выявленным целям Луганск несколько дней расстреливали из Градов и Ураганов. Не стало ДРГ противника - кончились и обстрелы.

Потом началась бои за Дебальцево.

Туда Саша попал 5 февраля. Комендантский полк держал правый фланг обороны стратегически важного поселка Чернухино.

11 февраля ими была предпринята первая попытка провести штурмовую группу численностью до взвода. Унгеру поручили проводку этих 24 бойцов. Входили грамотно - в стык между подразделениями ВСУ. Должны были занять оборону под мостом. Однако при заходе они обнаружили замаскированные позиции киевских силовиков: слева мощные огневые точки, а справа танки, открывшие огонь прямой наводкой по соседям - еще одной прорывавшейся группе, возглавляемой командиром комендантского полка Сергеем Грачевым. Осознавая риск уничтожения, Унгер принимает решение об отходе и выводит из-под трехчасового перекрестного огня всех своих 24-х бойцов без единого убитого и раненого. До цели в тот раз не дошли буквально 300 метров.

В ночь с 11 на 12 февраля была повторная попытка завести штурмовую группу. Они первые вошли в окраинный поселок Октябрьский города Дебальцево. Это была сборная в составе бойцов комендантского полка, батальона "Заря" и группы бойцов командира с позывным "Добрый". Следом под прикрытием нашей артиллерии вошла еще одна штурмовая группа комендачей под командованием Сергея Новомлинского с позывным "Пуля". Заведя свои группы, Унгер с бойцами сопровождения вывел в расположение штаба полковника Грачева и еще несколько офицеров полка. А уже утром

был получен новый приказ: проводка пешей колонны новобранцев с ящиками боекомплекта для вошедших в Дебальцево штурмовых подразделений.

Унгер был ведущий. Двое бойцов обеспечивали боевое охранение, и 10 человек “шерпов” - необстрелянных носильщиков в караване боеприпасов.

В точке прибытия под мостом выйти на связь с встречающей группой не удалось. При этом отсутствие боекомплекта могло сорвать основную задачу штурмовых подразделений: доразведку позиций противника и ночной штурм с прорывом обороны в точках своих боевых задач. Оставить ребят без боекомплекта было равно предательству, и Унгер принял решение двигаться дальше. Два бойца успешно выдвинулись в поселок и предупредили, что группа с боеприпасами идет в Октябрьский.

Двигались скрытно, не обозначаясь. Первая двойка прошла удачно и вошла в точку прибытия. Следом Александр возглавил выдвижение основной группы.

Около 9 часов утра, не доходя до первой линии домов, они были накрыты массированным огнем. В первое мгновение на группу обрушился огневой шквал всех средств, имевшихся на позициях ВСУ - минометы, станковые и подствольные гранатометы, снайперы и пулеметчики буквально смели редкую цепочку разведчиков. Унгер почувствовал глухой удар и, оставаясь в сознании, рухнул в снег. Им в целом повезло, если можно так сказать, что шли грамотно: рассредоточено, тройками - поэтому-то и удалось избежать больших потерь. Помимо раненого Александра, один двадцатилетний боец - Дмитрий был убит, сразу наповал. Остальные успели залечь.

Ребята стали кричать: “Саша! Дима!”, но Унгер понимал, что они сейчас прекрасно видны в снайперские прицелы и, не шевелясь, выкрикнул команду “отход”. Те сразу не послушались, сидя в относительном прикрытии насыпи кричали: “Комендатура?! Кто живой?!” В ответ старший группы кричал: “Не подходить! Держитесь от меня подальше”. И лишь когда вокруг стали плотно ложиться разрывы минометных мин и ВОГов (гранатометные выстрелы для станковых и подствольных гранатометов - прим. ред.), ребята на счет “три” рванули под огнем к спасительным постройкам. Завязался бой длившийся до вечера. Киевские каратели по-

верили, что оба лежащих на открытой местности бойца - мертвы.

300-тый

Поначалу он притворился мёртвым, понимая безнадёжность своего положения. Потом начал замерзать. Временами путалось сознание, и он уже ощущал себя то убитым, то парализованным. Унгер не мог перевернуться, мешали два автомата, висящих на простреленном в нескольких местах правом плече. Неподъёмный бронезилет вдавливал в промерзшую землю. Позже он поймет, что этот тяжелый “бронник”, в общем-то, и спас ему жизнь: помимо изначально приторможенной пули, натворившей с ним столько бед, на тяжелой спинной бронепластине бойцы позже обнаружат несколько насечек и деформаций - она приняла на себя как минимум два серьезных осколка.

Рядом на позициях ВСУ “под парами” стоял БТР, но противник не торопился выходить в простреливаемое поле. Но самой большой опасностью был холод. Саша согревался, разминал руки, сжимая-разжимая пальцы, напрягал мышцы тела, попеременно на счёт качая мышцы спины и пресса.

Он потом рассказывал: “Я прекрасно понимал, что если потеряю сознание или, не дай Бог, провалюсь в дремоту, усну, то это всё - кранты. Где-то рядом, в сознании, держала Янка (имя жены - прим. ред.), а под

сердцем грели мысли о дочери. Умереть сейчас - это как предать своих девчат. Вот я и работал, качал мышцами все эти 13 проклятых часов...”

Так Унгер продержался до темноты. Когда окончательно стемнело, попробовал перевернуться и... не смог. Поначалу, говорит, дико испугался, словно вспышкой смертной боли обожгло: “Парализовало!”. Но потом отдышался и понял, что он просто примерз к земле. Просто. Примерз к земле...

Сантиметр за сантиметром он сбросил с простреленного плеча два автомата. Потом вытащил левой рукой отточенный штык-нож - срезал разгрузку. Также выгрызая по сантиметру, вырубил из смерзшегося от крови снега и льда немую правую руку. Следом вырвал, вырубил ватные, чужие ноги. И пополз...

Сейчас он смеется: “Полз вначале, как Маресьев в кино: в левой здоровой руке пистолет, нож на боку - вот и всё оружие. Ну, воин-разведчик, чё там...”

Дополз до насыпи, как-то перекатился да встал на корточках. Потом поднялся и побрел, смутно угадывая направление. Чуть разогревшись, почувствовал ноги, пошел более осмысленно. Двигался как пьяный, шатаясь, ежесекундно рискуя упасть и больше не подняться. Желание, говорит, было просто дойти, да и сам этот поход он вспоминает с очевидным содроганием - как пытку. Через два-три часа, счет времени он давно потерял,

его грубо окрикнули: потребовали назваться, в ночи громко клацнули автоматные предохранители. Разведчик, каким-то иным, запредельным чутьем уловив, что это свои, ответил:

- Я из раненых комендачей. Унгер моя фамилия...

В ответ прозвучало обнадеживающее:

- Не гони, тварь... Унгера убили!

Значит, точно свои...

Стрелять сразу не стали - подошли, сняли капюшон и чуть не затискали в объятиях. Под мост спустился уже поддерживаемый с двух сторон однополчанами. Однако сил хватило лишь на этот последний рывок. Саша начал проваливаться и прямо сказал: "Мне не дойти".

Воскресший

Далее все вспоминается им через матовое стекло полузабытья - носилки, двести метров, чуть ли не бегом до машины. Полевой лазарет в Зорянке. Перевязка, эвакуация, больница в Алчевске - там удалили первую пулю из правого плечевого сустава. Оттуда перевод в Луганскую республиканскую клиническую больницу, еще одна операция - удалили вторую пулю, которую невозможно было заметить без аппаратного обследования из-за развившейся огромной гематомы во всю правую

половину туловища. Там же нашли и третью пулю, извлечение которой в условиях блокадной Республики, отсутствия набора узкоспециализированных инструментов и препаратов не представлялось возможным.

Поначалу он хотел переждать до окончания войны, ведь видимых неудобств засевшая в теле пуля ему попервах не доставляла. Разведчик прошел полный курс лечения. Возвратился в строй. Александра Унгера торжественно наградили Медалью “За отвагу” II степени. Он начал тренировать непослушную руку и потихоньку встраиваться в службу, но вскоре появились первые грозные симптомы. И главное - не оставляющая ни на минуту боль. Дополнительное обследование и приговор: “Без операции возможен частичный или полный паралич с непредсказуемыми последствиями. Пулю надо удалять”.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Первыми от командира полка, полковника Сергея Грачева, о проблеме Александра узнали журналисты Государственного информационного агентства “Луганский Информационный Центр”. Следом подключились творческие союзы. В ходе X Санкт-Петербургского международного книжного салона секретарь правления Союза писателей ЛНР Андрей Чернов при посредничестве российских писателей провел успешные переговоры с нейрохирургами питерской Военно-медицинской Академии им. Кирова. Следом подключилась тяжелая артиллерия: главные врачи двух Луганских научно-медицинских центров Олег Вольман

и Александр Торба помогли с последними освидетельствованиями и документами, а министр здравоохранения ЛНР Лариса Айрапетян подготовила именное обращение к главе Военно-медицинской Академии. Все финансовые затраты на эту командировку взял на себя трудовой коллектив одной московской компании. Их руководитель - неравнодушный человек, писатель, легендарный в среде прошедших Афганистан, Югославию и ветеранов ВДВ человек - как-то вскользь обмолвился перед коллегами о предстоящей операции. Вердикт сослуживцев был неумолим: “А почему это только Вы хотите ему помочь? А мы что, Донбассу - чужие?!”.

Через неделю после операции Александр Унгер сидит рядом и рассказывает о будущем.

- Понимаешь, я с этими госпитализациями, переездами, перевязками и так много времени потерял. Ребята служат, воюют, я не могу выпасть из процесса. Война не закончена, да и без боевых действий работы тут на десятилетия. Нельзя мне из строя выпасть. Никак нельзя...

Слушая, записывая рассказ Александра, я думаю: и это что - реально таких людей победить? Купить, прикормить печеньками с рук, прельстить кружевными трусиками, что там ещё обещали со сцены Майдана? Вот неужели на “той” стороне до сих пор нет понимания, что они столкнулись с окончательным выбором людей Донбасса? И любой язык силы здесь может решить лишь одну проблему: высвобождение невиданной энер-

гии противостояния. Возьмем одну конкретную судьбу: жил себе - растил ребенка и работал простой луганский мебельщик. Вы ему бомбардировку мирного города - он вам запись в ополчение. Вы ему “Едину Крайыну” - он вам полсотни сожженных единиц бронетехники. Вам мало?! Вы ему три пули в корпус и несовместимое с жизнью ранение - он назло вам выползает и становится в строй с непогашенным больничным. Так, может, все же хватит повышать ставки?

Напрасная жертва

Дебали

Мы стоим у входа в типовую будку железнодорожного переезда. За ухом клацают затворы и вспышки зеркалок, но внутрь никто из репортеров не заходит. Да и смотреть там, по большому счету, не на что. Вход перекрывает нижняя филенка облупившейся, некогда ядовито-синей двери, чудом оставшаяся висеть на вываленном наружу дверном проеме. Стекол в оконных рамах тоже не осталось. Из убранства лишь посеченные осколками стены, в щепу битые доски пола да кирпичное крошево, покрывающее весь этот бедлам ровным саваном. Но и он не может скрыть того, к чему прикован наш взгляд – огромная высохшая бордово-коричневая лужа, пропитавшая кирпичный бой, развороченную стяжку пола и побелку висящей лохмотьями дранки потолка. Нет, это не сурик – не краска. Это – кровь безымянного украинского хлопца, перемолотого бездушной мясорубкой гражданской войны. Не знаю, был ли это его первый бой, но точно знаю, что последний. Бой безнадежный и бессмысленный. Как и напрасная жертва, принесенная им на алтарь этой безумной войны.

***

Последние дни Дебальцевского котла. Крышка захлопнута. Наши ведут непрерывную разведку боем, наносят методичные артиллерийские налёты – не дают ВСУ, воякам террбатов и прочим украинским силовикам поднять головы – кинжальными ударами деморализуют противника. Постоянно просачиваются вглубь линий украинской обороны разведдиверсионные группы. Работают снайперы. Тяжелые потери с обеих сторон.

Стык участка фронта возле железнодорожных депо Дебальцевского узла по соседству с 4-й бригадой держат бойцы отдельного механизированного батальона Корпуса Народной милиции ЛНР, по привычке именующие себя “Батальон “Август””. Часть легендарная – герои битвы под Санжаровкой.

Яков “Мальш” – тридцатилетний ополченец, бывший гидромелиоратор, а ныне командир тактического звена – решает поставленную командованием задачу. Участок зоны его ответственности входит в число точек вероятного прорыва. Полученные сведения гласят, что буквально в двух шагах, в районе “2-й промплощадки”, украинские силовики посредством мощной бронегруппы со дня на день попытаются вырваться из окружения. По плану реализации разведданных принято решение: во-первых, сформировать танковый кулак, дабы поддержать сосредоточенным огнем подразделения 4-й бригады на танкоопасном направлении. Как раз там, где, по данным разведки, противник и будет пытаться прорваться своей бронегруппой.

Во-вторых, устроить засаду для сумевших вырваться из огненных тисков 4-й бригады и отдельного механизированного батальона.

Задача не простая, учитывая сложный рельеф железнодорожной промзоны, находящийся под боком ж/д туннель и, самое главное, бомбоубежище с мирными жителями всего в ста метрах от потенциальной точки прорыва украинских военных. Огромную помощь в планировании операции “Малышу” оказал заместитель командира батальона по воспитательной работе с мирным позывным “Петрович”, некогда опер уголовного розыска майор Виктор Зотов. Всё успели за ночь. Демонстративно приволокли тягачом и поставили якобы на боевую позицию – неисправный Т-72. Из целого в этом передвижном “ремкомплекте” там была только броня да траки, но вид танк имел весьма впечатляющий – даром, что не окопан капониром и вообще лёгкая добыча – прыщ у всех на виду. А вот позади, за бетонное ограждение железнодорожного депо, аккуратно встало ровнехонько три Т-64 – с полными боекомплектами, намеченными секторами обстрела и четким пониманием своей боевой задачи. Оставалось только ждать.

***

Ожидать пришлось совсем недолго. Бронегруппа появилась на рассвете и четко шла по указанному разведчиками маршруту. Шесть украинских танков, БМП, БТРы, грузовые машины с личным составом, выстроив-

шись походной колонной, двигались прямо в лоб основной засаде, организованной на позициях 4-й бригады.

По своему “афганскому” прошлому я понимаю всю сложность и практическую невыполнимость поставленной командованием Корпуса Народной милиции боевой задачи. Вся бронетехника оборудована соответствующими, весьма сложными и чувствительными, продвинутыми средствами разведки, наблюдения и связи. Плюс в любой подобной операции должно быть боевое прикрытие в виде передового и боковых дозоров, а также прикрывающий тылы арьергард. Все это должно быть обеспечено для защиты колонны. Тем более в условиях войны и, тем паче, выходя из окружения – прорываясь через боевые порядки! Подчеркну: сквозь оборону противника, имеющего не только средства противотанковой борьбы, но и свою собственную полноценную артиллерию и современные танки. Поймать в засаду колонну бронетехники – это же не пьяного в подворотне ночью перестреть?! Тем не менее, когда украинская бронегруппа буквально ввалилась в засаду и её внезапно, разом поглотил огненный мешок, какого либо внятного сопротивления она не оказала.

Первыми встали и тут же жирно зачಾದили шедшие впереди танки. Остальная бронетехника заметалась по полю. Сметаемые огнем бортовые машины и не думали драпать – водители, обгоняя пехоту, первыми рванули врассыпную. Все смешалось – дым, металл, огонь, земля и люди.

Один из украинских танков, мчась галсами по раскисшей грязи, каким-то чудом вырвался из огненной мясорубки и влетел в граничащий с промзоной частный сектор. А влетев – тут же заглушил моторы и затих.

Настал ход Якова. Вывести свои три танка из засады – нельзя. Во-первых, все ещё высока вероятность выхода из боя и другой бронетехники противника. Во-вторых, в танковом бою накоротке как минимум один из наших танков первый напорется на выстрел в упор. И, в-третьих, просто представьте танковый бой четырех тяжелых машин внутри частного сектора – сколько жилых домов будет разнесено и раздавлено бронёй вместе с попрятавшимися в подвалах людьми? Времени на долгие размышления нет. Пехоты, как таковой, в звене также нет – это же танкисты. Нет и ручных гранатометов. Зато есть группа разведчиков и их отчаянный “замковзвода” Серёга, 30-летний шахтер из Краснодона, готовый зубами рвать врага. Ещё у мужиков есть “Шмели” (реактивные пехотные огнеметы РПО “Шмель” – прим. ред.) с термобарическими зарядами, которые прелесть как хороши против укрепленных огневых точек или строений, но совершенно бесполезны против тяжелой бронетехники.

Тем не менее, мужики пошли. Как заявил Серёга: “Ну, не выгоним, так хоть заставим обозначиться”. Грубо говоря, пехота шла “вызывать огонь на себя”. Быстро обнаружили затаившийся танк и буквально с тридцати метров – через улицу – подряд вколотили под башню с пяток термобарических зарядов. Это надо просто представить себе,

как троих перепуганных танкистов, закупоренных в консервной банке брони, вдруг пять раз подряд глушат аналогом 120-мм гаубичного фугаса. Они не выдержали... Взревев форсунками, Т-64 вылетел под орудия засады Якова и сходу выхватил два прямых попадания. Результат соответствующий: детонация боекомплекта с отрывом башни и невозможностью идентифицировать погибший на месте экипаж без анализа ДНК. Это третий танк, уничтоженный звеном “Малыша” – еще две машины были сожжены им в ходе флангового расстрела основной бронегруппы, в лоб напоравшейся на засаду 4-й бригады.

***

Выжившую в боине пехоту ВСУ гоняли по промзоне, как зайцев по пролеску – вдумчиво и неторопливо. Один из “вожикв” спрятался в будке ж/д переезда. Бежать оттуда было некуда да и незачем. С ним попытались говорить, старались объяснить, что крови никто не хочет – ведь это уже ничего не решало: все украинские пленные максимум через две недели после описываемых событий уже были дома. Но он в ответ истерил, матерился и на мове угрожал всеми карами. От наших бойцов до будки оставалось метров двадцать. Когда в очередной раз с ним попытались заговорить, из будки вслед за проклятиями вылетела граната. После взрыва туда в ответ влетело три. Всё кончилось, не начавшись. Посеченный осколками паспорт гласил, что погибший – выходец из Днепропетровской области. Никаких других документов на нем не нашлось, поэтому определить

принадлежность к конкретной части или подразделению на месте не представлялось возможным. Тело выволокли из будки, положили прямо у переезда, накрыли одеялом, и вскоре его забрала похоронная команда. Буквально через несколько дней, вместе с пленными, этот 200-й был передан украинской стороне. Ни имени, ни фамилии никто из военнослужащих батальона не запомнил. Единственно, у всех бойцов осталось недоумение от этой бессмысленной, напрасной смерти.

Чем была для него это битва? За что он умер? Ради чего и ради кого где-то под Днепропетровском сегодня рыдают убитые горем родители? Неужели набор совершенно диких иллюзий, вдалбливаемых в головы простых украинцев, стоят одной этой жертвы?! А ведь она не одна. Ведь их тысячи и тысячи. И конца и края этому потоку смертей не видно – тут ведь не сотня, тут уже “Небесные дивизии” сформированы. Недаром древние говорили: “Когда боги хотят покарать, вначале они лишают разума”...

Мергельные окопы Станицы

Под колесами редакционного бусика крошится и осыпается мергель. Мы, старательно объезжая ухабы, карабкаемся в гору. Внизу под нами поселок Пионерское, вокруг дачи, а прямо по курсу – сразу за ведущим к Донцу обрывом – раскинувшаяся за рекой “зеленка”, где расположился ударный бронетанковый кулак Вооруженных Сил Украины, ныне бесцветно именуемый ополченцами “противник”.

Едем в гости к командиру разведвзвода 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района Виктору Плешакову с позывным “Дон”. Мужик хорошо за пятьдесят, сам добровольцем приехал на войну из Питера и с лета 2014 года находится на передовой. За последние бои в районе Дебальцево два бойца его подразделения получили правительственные награды. Рассказывает обстоятельно и при этом по-военному, четко.

О личном составе, местных жителей и билете в один в конец

Люди во взводе разные. За два наших корреспондентских приезда мы видели здесь и мужиков под 60,

и совсем зеленых мальчишек. Все добровольцы, других людей здесь нет. Есть и местные, и ребята из России. Все добирались за свой счет, ехали в неизвестность, толком не зная, в какое конкретно подразделение они попадут. Кто-то что-то услышал, посоветовал, так и прибивались. Добирались своим ходом. Вот как командир рассказывает об одной из таких историй.

“Был у нас парнишка из Комсомольска-на-Амуре. Сейчас он в отъезде, решает домашние проблемы, но скоро должен вернуться. Так вот он, чтобы приехать сюда, на войну, продал машину. С Дальнего Востока дорога недешевая весьма. Что-то оставил жене и поехал – в никуда, не зная даже, к кому и куда попадет. А когда случились у него семейные проблемы, то мы всем миром ему деньги на обратную дорогу домой собирали. В один конец парень билет взял”.

С местными, судя по всему, отношения чуть ли не родственные. Когда корреспондентская группа прибыла на позиции разведвзвода в первый раз, практически одновременно с нами пришла хозяйка дачного участка – принесла миску домашних пирожков. И пока мы записывали интервью, она пошла с одним молоденьким бойцом в сад – учить его, как и где подвязывать виноград. “Самой уже тяжело, а ему еще пригодится”, – смеется пожилая женщина.

О боевых задачах разведвзвода

Основной задачей подразделения является разведка и ведение наблюдения за действиями противника.

Район постоянной дислокации у взвода для этого более чем удобный. Наш берег – это господствующие высоты, вся “зеленка” противника – как на ладони. На высотах оборудованы наблюдательные пункты. Разведка ведется круглосуточно. Но и встретить незваных гостей взвод вполне может – и сами не с пустыми руками, и техника соответствующая тоже присутствует.

“Задачи меняются от ситуаций по периметру. С той стороны – Станица, здесь река Северский Донец, – рассказывает взводный. – Этот берег наш, тот берег их, вплоть до реки Деркул – границы с Россией. Вот я здесь с августа, когда здесь линия фронта стабилизировалась по Донцу. Мы периодически туда-сюда ездим, где не хватает народу, приезжаем, помогаем. Например, в феврале было всем жарко под Дебальцево, мы отправляли людей туда. Три недели стояли в Санжаровке, а на четвёртую поехали уже в Дебали.

О концентрации украинских войск

В районе Станицы Луганской, в непосредственной близости от передовой, ВСУ сконцентрировано сотни единиц бронетехники, установок залпового огня, самоходной и ствольной артиллерии. И это ни для кого не секрет, тем более, когда никто особо не прячется. Так, например, 27 марта за одну ночь украинские силовики стянули к линии соприкосновения порядка 200 самоходных артиллерийских установок.

“У нас здесь доминирующие высоты, этот берег высокий, тот берег низкий, видно всё очень хорошо километров на 10, – говорит командир разведвзвода. – Тем более, в “зелёнке”, когда еще листа не было, видно великолепно. ВСУ достаточно казённо выполняет задачи по маскировке, реально люди воюют из-под палки. Если смотреть внимательно и день за днём, можно увидеть практически всё, так вот, всё, что должно было выводиться на 50 км, здесь, в углу Деркула и Донца, всё наштиповано техникой. Бронетехники немерено. Лично видел 2 “Смерча”, а это даже не “Град”. В одну ночь танковый батальон зашел. Тут удобное место, дороги есть хорошие для армейской техники и “зелёнка”. Капониры у них ещё с осени, мы наблюдали, как они это всё себе рыли. Очень интересное у них ноу-хау: чтобы скрыть передвижение, метров в 300 выкапывается траншея, куда техника заходит, и капониры, как ячейки, стоят.

О Минских договорённостях и ОБСЕ

Все минские договоренности с украинской стороной, а также откровенная игра ОБСЕ “в одни ворота” здесь, в окопах, воспринимаются исключительно матерно. Бойцы уверены, что для Украины все эти дипломатические потуги – лишь дымовая завеса для перегруппировки и сосредоточения сил.

Вот что о реальном выполнении минских договоренностей рассказывает командир разведвзвода: “До нас доходила информация, что 200 САУ-шек загоняли. Батальон танков я видел лично, две большие колонны, минут сорок шум движков – это приличная колонна, машин на 100. Танки, “Уралы”, службы обеспечения, связисты, все подряд. Батальон зашел, обеспечение, кроме этого, личный состав на чём-то возится. Например, мы отсюда видим кусок поляны, туда заезжает “Урал” с полевой кухней, он её отцепляет и уходит. Полевая кухня – это минимум рота, понятно, что полевая кухня просто так на поляне стоять не будет. Там есть люди, их надо кормить. Вот таких вторичных признаков очень много, если их анализировать, то складывается вполне реальная картинка – техники много”.

Вот рассказ разведчика о миссии ОБСЕ: “ОБСЕ-шники к нам приезжали, куриц считали на предмет того, как живут местные жители, – смеется Виктор. – Еще поездили по магазинам. Я спрашиваю, а вас не интересует техника

украинская? Вот в трёх километрах, дам бинокль, покажу. Если не поленитесь полдня посидеть, увидите передвижения. Утром прогревают технику, видно дымы. Никто особо не таится, тем более, от ОБСЕ-шников, потому что, было бы желание увидеть, они бы увидели. Естественно, никакого желания они не проявили. Они и так это всё знают. Тут сплошное нарушение Минских соглашений. Все про это знают, кто должен интересоваться. И ОБСЕ в том числе”.

Об опасностях для Луганска

В Луганске настроения – все знают, что война возобновится, но никто не знает, когда именно. Люди со страхом смотрят репортажи из Донецкой Республики и задаются простым вопросом: “Когда же полыхнет у нас?”. Здесь, на передовой, напротив, царит спокойное ожидание – то, что боевые действия начнутся с новой силой, для бойцов аксиома. Разведчики считают, что на этом участке фронта, в треугольнике между Донцом и Деркулом, техника накапливается как в отстойнике, а для Луганска опасны только системы залпового огня.

“САУ-шки ещё здесь поработать могут, а “Смерчи” нацелены на Луганск. Тому же “Граду”, например, чтобы на боевой взлёт стала ракета, надо 7 км. Чтобы разбомбить город, этого не хватит. Это только в кино за минуту рушится всё. Чтобы разрушить город, это надо проводить бомбардировки. Думаю, что эта группировка не атакующая. Пока, на мой взгляд, это просто от-

стойник, потому что если перегонять ту же танковую колонну на 50 км, при том состоянии техники, что у них, то половина танков просто не дойдёт. А потом если их нужно будет вернуть, ещё половина от дошедших в пути сломается. Так же большой расход ГСМ. Технику же вводят не ландыши нюхать, а для боевого применения. То есть, как я вижу, их цель – сохранить технику в непосредственной близости от потенциального театра военных действий”.

Разговоры о возможном понтонном форсировании Донца и слухи об украинских учениях взводный не поддерживает: “Понтоны у них точно есть, без вопросов, но река разделена, тот берег их, этот – наш. Чтобы проводить учения, надо 2 своих берега, это не соответствует действительности”.

О режиме прекращения огня и огневой разведке

Огневые налеты и перестрелки, переходящие иногда в серьезные бои с привлечением артиллерии, на всем протяжении фронта в Луганской и Донецкой республиках происходят постоянно. Также с обеих сторон фронта активно действуют различные диверсионно-разведывательные группы. Ни о каком перемирии речи не идет, единственно, дело не дошло пока до начала полномасштабных боевых действий. И здесь, на позициях, ситуация не сильно отличается от других участков фронта – обстрелы, огневая разведка, беспокоящий огонь.

“Обстрелы по нашей территории ведутся постоянно, – рассказывает Виктор. – У нас, грубо говоря, каждую ночь весело. Работают миномёты, БМП-1, ЗУшки. Дистанция самая рабочая – до 2 км. Они знают, что у нас есть ПТУРЫ. Вот периодически их танчик выйдет на полянку и стоит “заманухой”. Поставил, мы не повелись, он и уехал. А так стандарт 82-мм – “Васильки”, наводчик у них, кстати, хороший. Гоняли тут нас на карьере – выехали 3 “Василька”, отработали по 5-6 залпов. Мы бегали по окопам как сайгаки. Там много чего есть и серьёзного калибра. Правда, ночью идентифицировать невозможно. Периодически, чаще, чем хотелось бы, некая неопознанная бронетехника обстреливает наши НП. Они прекрасно понимают, где мы сидим. Тем более, здесь мергель, глина – мы с осени окапывались, и наверняка у них есть опытные наблюдатели. Периодически им надо нас пинать, чтобы мы не расслаблялись”.

О боях между ВСУ и “нациками”

О том, что между ВСУ и подразделениями Национальной гвардии, а также территориальных батальонов постоянно идут стычки и перестрелки, перерастающие иногда в полноценные боестолкновения, общеизвестно. Здесь же, в окопах, считают, что между армией и нацформированиями идет реальная война.

Вот что рассказывает разведчик: “А ночью тут вообще концерты бывают. У них возникают перестрелки

своих со своими. ВСУ с Нацгвардией. Тут нелюбовь конкретная, неделю назад 2 ПК работало, из “семёрки” выстрелов 12, автоматной трескотни немерено. Потом выехал неопознанный БМП, отработал боекомплект, и всё затихло. Но это их тёрки между собой, и это происходит регулярно. В Станице постоянные ночные бои у них были зимой. До нас доходила информация, что ребятам ВСУ нужно получить корочки УБД. Не ручаюсь за достоверность, но у меня такая информация: чтобы получить корочку, надо поучаствовать в боестолкновении. Поэтому ночью начинают пулять по берегу, отражать атаку “сепаратистов”. Поотражали – всё нормально. Сделали записи, расчёт БК отчитались. Потом приезжают нацгвардейцы и начинают выяснять, не было ли это инсценировкой.

Об ужасах оккупации и разделенных семьях

Возможно, вражда между военнослужащими частей украинской регулярной армии и националистическими военизированными формированиями кроется, в том числе, и в отношении бойцов террбатов и нацгвардии к мирному населению, которое иначе как карательным назвать нельзя. Грабежи и беспредел принимают неконтролируемые масштабы.

“Мы все знаем, что творится на той стороне, – рассказывает Виктор. – Здесь же война юных тимуровцев по телефону. Мы шагнули, они знают через 20 минут – бабуля посмотрела, набрала телефон, позвонила зятю,

тот побежал, сказал полицейам. У нас та же история с той стороны. Везде идет обмен информацией постоянно. Все с мобильными, какие-то незаметные перемещения – нереальны. Или как грабят. Раньше усадьбы выносили, сейчас два БТРа заезжают, купорят улицу с двух сторон и все дома улицы выносят. А как людей вывозили и били смертным боем лишь по подозрению в иных взглядах. Повыбили зубы, поломали ребра, расстрел имитировали. Все всё знают. Не будет тут мира. Слишком много крови с обеих сторон, война прокатилась по селу, по конкретным семьям”.

О честности украинских СМИ.

Украинские медиа на фронте тоже читают. Интернет на позициях редко, но все же есть. По прочтении комментируют: “Читал хохму в интернете, как сепаратисты хотели захватить Станицу, но доблестные воины ВСУ отразили атаку, и с многочисленными ранеными наши покинули территорию. На самом деле, это была наша разведка – 26 человек. Мы по любому не смогли бы взять Станицу. Потом на этой волне в инете пошла следующая информация: мол, через 3 дня в Станицу вошли сепаратистские танки. Наверно, на Украине народ и это съест, потому что они не представляют себе, что здесь всего один мост, который они взорвали, и по нему танки не проедут. Он и до войны был в аварийном состоянии. Больше мостов нет, понтонов тоже нет. Откуда взялись в Станице 3 сепаратистских танка, для меня осталось большой загадкой”, – смеется Виктор.

О констатации фактов

Вот такой у нас получился разговор с разведчиками 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района. На сегодня можно констатировать массовые нарушения минских договоренностей – серьезную концентрацию бронетехники, личного состава, а также возросшую интенсивность перестрелок и огневой разведки. Высокая вероятность возобновления боевых действий сохраняется. Нам же, жителям Луганской Народной Республики, остается всерьез уповать лишь на мужество наших защитников, их стойкость, верность воинскому долгу и готовность сражаться за каждую пядь земли Луганщины.

Воля к жизни

Виктора Равлика

Открытое, доброжелательное лицо контрастирует с жуткими следами снятых с рук и тела кусков кожи, с бурыми пятнами набухающих сукровицей бинтами, которыми словно мумия из фильмов ужасов, он плотно запеленат от пояса и ниже - до самых кончиков пальцев ног. На кровати палаты для “тяжелых” ожогового отделения Луганской Республиканской клинической больницы уникальный пациент: ополченец, чудом выживший после разрыва зажигательного минометного боеприпаса украинских карателей. Боец территориального батальона “СССР Брянка” Виктор Равлик с позывным “Татарин”, выкарабкавшийся из могилы наперекор всему - тяжелейшим ожогам, гангрене и страшной боли. Теперь он поставил себе новую цель - за месяц опять научиться ходить и вернуться в строй.

Трижды рядовой

Его судьба просто подкупает своей обыденностью. Ведь таких судеб на Украине буквально - миллионы. Уроженец приморского Николаева, сорокапятилет-

ний Виктор все эти годы прожил в небольшой деревне Михайлюки Новоайдарского района Луганщины. Крупный рогатый скот, свиньи. Когда-то закончил Старобельский сельскохозяйственный техникум. Работал зоотехником в колхозе. Крепкое подворье. Женат. Две взрослые дочери. Абсолютно мирный, хозяйственный трудяга. Даже в армии в свое время не служил - зрение минус 15.

Но когда его страна начала сходить с ума, Виктор понял, что оставаться в стороне не имеет права. С началом Майдана и ростом движения сопротивления в Луганске, новоайдарский зоотехник стал регулярно приезжать на митинги под стены государственной администрации.

- Я такой человек по натуре, не люблю беспорядки, бардак. Для меня превыше всего справедливость. Они устроили Майдан. И к нам пришли, не мы - к ним. А ведь мы многого не просили, но с нами даже не стали разговаривать - сразу пригнали бронетехнику и стали расстреливать. Вот поэтому я взял в руки оружие, встал и пошел даже со своим зрением. Слепой не слепой.... Да, вижу я плоховато, однако метров с двухсот уже не промажу.

На другой день после взятия штурмом СБУ Равлик с сельчанами приехал уже основательно. Создали пост возле Горгаза, рядом с Церковью. Следили за порядком, смотрели, чтобы в палаточный городок не пронесли оружие. Все тогда всерьез опасались штурма, готови-

лись к нему. Но у войны своя логика. Вместо полицейской спецоперации киевский режим кинул на подавление восставших республик Донбасса танки.

- 24 мая мы попали к Алексею Мозговому, рассказывает Виктор. Тогда никакой бригады и “Призрака” еще не существовало, был просто его отряд. У него мы получили БМД - Боевую машину десанта. Эту машину отбили у Нацгвардии, отремонтировали её. Экипаж на ней весь из наших ребят - все из одной деревни. Три тимуровца: “Якут”, “Валико”, и я - “Татарин”.

Сам Равлик служил рядовым, автоматчиком. Вместе с друзьями и отрядом Мозгового участвовал в боях под донецким Северском. А по возвращении приняли осознанное решение уйти. Вот как он сам об этом рассказывает:

- Когда мы оттуда вернулись, у нас вышли разногласия с Мозговым. Техника неисправна, а ребят гонят в бой. Это чистое самоубийство. Мы подошли к нему, говорим, мы, конечно, фанаты, но не самоубийцы, с головой дружим, так воевать нельзя, так мол и так - хотим уйти. А он говорит: “Я не против, идите. Война ещё большая, ребята - всем хватит”...

Так и ушли сельчане - втроем, как и пришли. А уже 3 июля 2014 михайлюковцы вошли в другой отряд - батальон территориальной обороны “СССР Брянка” и с тех самых пор воюют в его составе.

- Нас называли по-разному, то “территориальный батальон”, то “народная дружина Луганщины”. Там я был рядовой, потом дорос до старшины, - рассказывает Виктор. - Вначале мы держали оборону блокпоста в сторону донецкого Ямполья. Обстреливали нас до десяти раз в сутки. В основном, били из тяжелых минометов. Бывало, накрывали с “Градов”. Другие ребята участвовали и в ближних боях, мне тогда не довелось. Тяжелые летние бои в 2014 году были у нас в Вергулевке, Комиссаровке. Я особо не засветился в этих летних боях - четыре месяца служил на базе, хозяйствовал. Потом, в ноябре, перешел в Комиссаровку. Последнее время служил в “тревожной группе”: приехали, отработали, уехали. Там тоже служил автоматчиком. И посты держали, и отбивались - всякое бывало. Подвигов я никаких не совершал, был рядовым бойцом - делал свою работу. Комиссаровка, Боржиковка, так мы дошли до пригородов Дебальцево.

Потери отряд практически не понес - всего несколько раненых. Как говорит ополченец - выручали грамотные действия комбата с позывным “Лютый” и начальника штаба батальона с позывным “Крым”. Также залогом успешных боевых действий оказалась отлично подготовленная, слаженно работающая батальонная разведгруппа.

По окончании зимней кампании “СССР Брянку” перекинули на новый участок.

Дважды поднявшийся

В середине мая, ситуация на фронте в целом отражала шизофрению всей этой войны. Официально действовал режим прекращения огня. Стороны добивались от Киева выполнения Минских договоренностей. Украинские силовики тем временем совершали десятки обстрелов в ступи, в том числе, и “отведенным” оружием калибром свыше 100 мм, а также, как теперь видим, запрещенными боеприпасами.

- 17 мая во время обстрела вначале по нам отработал “Град”, а следом ударил миномет, - рассказывает Виктор. - Чем они били, я не знаю, но я услышал хлопок минометной мины позади себя и тут же вспыхнул, как свечка. Побежал. Вижу горю. Тут парни подоспели, сшибли меня с ног, бушлатами сбили пламя.

За эти секунды произошло многое. Для Равлика - более чем. Был ли это боеприпас, начинённый фосфором или другой зажигательной смесью, теперь неизвестно, однако за эти короткие секунды в результате возгорания у ополченца полностью обгорела вся нижняя часть тела от пояса и ниже. Особенно сзади, где была вспышка. Выгорел Виктор жестоко. Сгорел не только кожный покров, но и мягкие, а также частично и мышечные ткани.

Отправили бойца поначалу в ближайшую Алчевскую больницу. Там через два дня у него стали чернеть ноги - начиналась гангрена.

- Из Алчевска меня на “скорой” быстро привезли в реанимацию Республиканской больницы, - рассказывает Равлик. - Вначале в реанимацию, а через день - в ожоговое. Тут низкий поклон заведующему отделением Евгению Викторовичу Пупову. Он так долго боролся, но все же сумел остановить заражение крови и вытянул меня из могилы. Ну и, конечно, тут больница великолепная. Персонал отличнейший, медикаментами обеспечили. И комбат наш так выручил с лекарствами.

Сколько операций по пересадке кожи сделали ополченцу, Равлик уже не помнит, говорит, штук семь, а там и до десятка, наверное. Снимали кожу прямоугольными лоскутами с рук, с живота, практически вся спина снята

- и ставили на ноги и таз. Отдельная тема - боль. Вот как он сам об этом рассказывает.

- Боли были страшные, особенно весь первый месяц. Это просто невозможно передать. Скажу честно, если бы я физически мог, я бы встал и выбросился с девятого этажа. Ведь просто невозможно было терпеть - каждые два-три часа, когда уже не было никаких сил, я просил уколоть мне очередную дозу обезболивающего. Первый месяц был адскими муками. Каждая перевязка - жуткая пытка. Особенно когда меня отмачивали, чтобы оторвать от простыни. После первого месяца стало полегче, теперь уже можно было терпеть.

Тем не менее Равлик не сломался и теперь полон оптимизма.

- Сегодня доктор разрешил попробовать встать на ноги, - говорит он. - Вот после обеда перевяжут, и буду пробовать. Я сам себе сказал - 17 мая меня накрыло, значит, 17 июля я встану на ноги. А, дай Бог, через месяц, 17 августа - я вернусь в отряд.

Правда, врачи не столь категоричны в своих прогнозах. Рассказывает заведующий ожоговым отделением Луганской Республиканской клинической больницы Евгений Пупов:

- Ожоги у него составляли около 48% тела. Из них 40% - глубокие ожоги, требовавшие операций. Боль-

шой проблемой был сепсис и начавшееся заражение крови. Также были серьезные сложности с лекарствами и антибактериальными препаратами. Доставали мы их в России. Антибиотики привозили и сослуживцы, и родственники, и депутаты нашей Республики - все ему помогали. Самые глубокие поражения на конечностях. Теперь ему предстоит длительный процесс восстановления. Лишь сегодня он будет пытаться вставать на ноги. Кости у него целые. Рубцы же будут образовываться в течение года-полугода. Как пойдет процесс восстановления прогнозировать сложно. Вообще от внутреннего настроя человека очень многое зависит. Мы, со своей медицинской стороны, все, что могли, сделали: с того света его вытащили. Ведь он больше трех недель, почти месяц находился между жизнью и смертью - туда-сюда чаша весов качалась каждый день. Могли бы серьезно помочь реабилитации радоновые ванны, но где их сейчас взять, я даже не представляю. Однако, если он так позитивно настроен, коль у него так сильна воля к жизни, то прогноз положителен.

И действительно, Виктор буквально рвется в батальон и в жизнь. Говорит обо всем сразу, верит в будущее, но и врагу ничего не забывает.

- Пока я воевал, к жене приходили СБУшники два раза - спрашивали за меня: "где-что-как?". Уговаривали, чтобы по телефону она упросила меня вернуться. Мол, пусть едет - ему ничего не будет. Но мы же хорошо знаем "милость" врага. Наши парни тоже так считают.

Ребята из батальона приезжают, проведывают. Каждый смотрит на полотенце поверх паха и спрашивает: “А хозяйство-то - как?”. А я смеюсь, говорю: “Единственное место, где все нормально, даже шерсть цела!”. Так что нас ничем не запугать. Нас убивают, а мы смеемся в ответ. Лично от себя всем нашим пацанам хочу пожелать - здоровья и удачи! А что врагу сказать... Шли бы кропы отсюда куда подальше, к себе б на западенщину, да оставили нас в покое. Мне, например, лучше работать, чем воевать. После войны только в родную деревню, - у меня там дом, хозяйство большое, работа, семья, две, считай, взрослые дочери. Возвращаюсь по-любому. А как иначе?!

Именно такой позитивный настрой, эта воля к жизни, устремленность в будущее и есть, по мнению врачей, та самая причина, позволившая ополченцу не только выжить, но и дарящая ему перспективу на полное восстановление.

- У Виктора Равлика был очень сложный процесс лечения, - рассказывает главный врач Луганской Республиканской клинической больницы Олег Вольман. - Ожоги ставили около 50% процентов тела. Причем ожоги были очень глубокие, с поражением мышечной ткани, плюс начался процесс заражения крови. Лечение было сложное. Потребовалось все умение и навыки врачей. Также понадобилось огромное количество специализированных дорогостоящих препаратов. Тут уж сошлись усилия и министерства здравоохранения

ЛНР, и нашей больницы, и командования его части, и волонтеров, депутаты помогали - писали во все инстанции, кто только не помогал, буквально всем миром вытягивали человека. Но самое главное - его внутренний настрой, психологический фон этого ополченца. Будь он по-другому настроен - он бы погиб. В целом, у него шансы остаться в живых были очень низкими. Выжил буквально чудом.

Слушая ополченца, врачей, мне, со своей стороны, эта история кажется предельно символичной. Как и Равлик, верю, поднимется следом из окопов, стряхнет с себя рубцы ожогов и весь наш Донбасс. Ведь воля к жизни у нас тоже запредельная.

Сокольники: поселок, оставшийся только на карте

Под ногами хрустит щепа. Деревянное крошево – ветки, деревья, куски безжалостно растрощенных стволов. Такое впечатление, что по придорожной посадке прошла лавина. Но это не стихия – это сделали люди. Мы – репортерская группа государственного информационного агентства ЛНР “ЛуганскИнформЦентр” – находимся на позициях 7 бтго Корпуса Народной милиции – одного из взводов Славяносербского направления этого батальона территориальной обороны, прикрывающего Т-образный перекресток перед Трехизбеновским мостом.

До контролируемого ВСУ и печально знаменитым террбатом “Айдар” моста ровно 1850 метров. Все дистанции здесь известны до метра – от этого знания подчас зависит жизнь: куда можно достать из 82-мм миномета, а куда уже не дотянуться из АГС-17 – здесь больше не сухая арифметика.

Красный Лиман, Пришиб, Знаменка, Сокольники, Крымское – теперь линия фронта, растянутая с “нашей” стороны Северского Донца. Дальше ехать всей группой нельзя. Дорога между Знаменкой и Сокольниками простреливается спрятанными за Донцом в “зеленке” 120-мм минометами. Проскочить можно – но на скорости и только одной легковой машиной, желательно по-сельски скромной, дабы не дразнить “укроп” и не дать повод наводчику положить лишнюю мину в ствол.

Два бойца сопровождения из Славяносербской комендатуры плюс старенькая вазовская “пятерка” да мастерство водителя – и вот мы с самым известным луганским фоторепортёром Колей Сидоровым в Сокольниках. Местные делают ударение на последнем слоге, объясняя это тем, что СокОльники – в Москве. Впрочем “местные” – громко сказано. Нет здесь местных – были да все вышли, причем в буквальном смысле слова. Поселок мёртв. Большинство домов разрушены в той или иной степени. Те, что еще стоят – щедро испещрены осколками. Целых окон или шифера нет вообще. Небитых заборов тоже.

На въезде в село, метрах в 30-ти от дороги, посаженная на кол голова годовалого бычка. Разбредшуюся по полям и побитую осколками скотину ополченцам приходилось достреливать. Естественно, часть свеженины съели. Видение все равно чисто апокалипсическое. Да и пейзаж, что называется, “внушает”. Если на окраинах поселка ещё куда ни шло, со скидкой на обстоятельства,

то ближе к центру внешний вид все больше напоминает свалку – уцелевших домов уже не осталось. Изувеченные, смятые кузова машин валяются во дворах и прямо на улицах. Отходить от дороги нужно аккуратно – зачастую из земли торчат забурившиеся хвостовики оперения минометных мин, да и прочего неразорвавшегося добра хватает с избытком.

Сокольники бьют по сей день, причем со всех стволов и сразу с трех сторон. Работают снайперы. Просачиваются ДРГ. Несколько наших блокпостов, что называется, в осаде. И все это на мертвой трассе по-над линией фронта и в середине не жилого, брошенного жителями села.

Посреди дороги, как раз на полпути к центру – перебитая в поясице березка. Как знак, как символ подрубленной под корень мирной жизни этого некогда заповедного района, жемчужины Луганского края – Славяносербщины. Но ничего – мы высадим новые саженцы, вскормим молодое поголовье, восстановим и построим заново разрушенные дома. Главное, отстоять свободу и сохранить людей, а жизнь мы как-нибудь наладим.

Люди бахмутского фронта

Камуфлированный штабной “бусик” на пределе скорости летит вдоль Донца. Меж деревьев пойменного леса просматривается тяжелая гладь великой донбасской реки. Правда, сейчас нам не до красот – на той стороне противник. Через реку по дороге периодически работают снайперы, есть там и несколько минометных позиций. Поэтому мы не едем, мы сломя голову проскакиваем два потенциально опасных отрезка очередной “дороги жизни”. Дороги – связывающей позиции держащего оборону практически в полном окружении 9-го бтбр – батальона территориальной обороны Корпуса Народной милиции ЛНР.

Корреспондентская группа Луганского Информационного Центра вот уже неделю работает на бахмутском отрезке обороны Республики. Ситуация здесь сложная. Сводки Народной милиции каждый день приносят новые факты обстрелов, артобстрелов, огневых контактов. Случаются попытки прорывов ВСУ и многочисленных подразделений украинских силовиков. Работают вражеские ДРГ. Не весело, одним словом.

Сегодня бойцы позиций Т-образного перекрестка, прикрывающего оперативное направление “Трехизбенский мост”, встретили нас хмурой улыбкой: “У нас правосеки появились. Ночью черно-красный флаг повесили”. Ополченец протягивает мне бинокль: “Гляди! Вон висит – аккурат возле тряпки (так здесь называют выгоревший “жовтоблакитник”, демонстративно выставленный “айдаровцами” у сожженной машины перед украинским блокпостом – прим. ред.)”. Боец зло сплевывает и подводит черту обсуждения: “Принесла их нелёгкая...”. И ведь люди здесь спокойны, вывести их из равновесия сложно – здесь каждый день обстрелы и артналеты. И бывает, что и по нескольку раз в сутки. Все позиции изрыты блиндажами, щелями и траншеями. На позициях испытываешь некое раздвоение сознания, ощущение, словно попал внутрь декораций фильма о Великой Отечественной. Но позиции настоящие, как и люди. Вот прибился к бойцам замызганный котенок. Всё – лечат, откармливают, тутушкают.

Линия фронта тянется над берегом Северского Донца сквозь ставшие передовой поселки Славяносербского района, пока не упирается в село-призрак Сокольники, где граница минного поля от дороги отделена насаженной на кол бычьей головой. Поселок, покинутый гражданским населением, если не считать одну бабушку и одного пожилого мужчину, которым просто некуда бежать от войны. Вся их жизнь сегодня зависит от ополчения – еда, вода, лекарства. Ведь всё расколочено в хлам украинской артиллерией. Сокольники ныне

– одна большая позиция. Бойцов практически не видно, кроме нескольких опорных пунктов. Все, что можно, замаскировано и скрыто от глаз.

– Снимайте, что хотите, только не позиции и технику, – тяжело роняет слова командир подразделения 9-го бтбр, являющийся по сути начальником гарнизона Сокольников. У командира Николая Александровича говорящий позывной – “Дон”. И фамилия, как выяснилось, подходящая – Мелехов. Крепкий казак, хорошо за пятьдесят, словам цену знает. Среди бойцов пользуется безусловным уважением – дисциплина здесь беспрекословная.

– Мы находимся в окружении с трех сторон, – рассказывает он. – Держим оборону с юга, запада и севера. Единственная нитка – дорога на Пришиб, но она простреливается. Против нас кого тут только нет – армия, правосеки, золотые ворота, айдары всякие. Вот здесь, – казачий командир указывает на юг, – высота, занятая ВСУ, метров 400 отсюда. А там, – указывает в другую сторону, – метров триста всего. Но нам это все равно. Со своей земли мы не уйдем ни в коем случае. Без приказа – ни шагу назад.

Верись ему безусловно. На “той” стороне у него осталась семья. Причем явно, что “там” – это совсем недалеко. Какая родня и где, он распространяться не стал. Только веско обронил: “Через близких приговор мне передали. Мол, вернись – порешат. Ну, это мы еще посмотрим”.

Еще одна реальность любой гражданской войны. Нынешние враги знают друг друга в лицо, зачастую с самого детства. К примеру, командир печально известного вооруженного формирования украинских силовиков “Золотые ворота” – бывший начальник Родаковского РОВД Славяносербского района подполковник Юрий Гречишкин. В свое подразделение он набрал, в основном, сбежавших на украинскую сторону милиционеров. Тут теперь совсем другая мотивация, эти воюют на совесть. Отсюда и постоянные конфликты “золотарей” с подразделениями ВСУ и Айдара. Доходит до полноценных боестолкновений.

Местным от бывших землячков тоже достается. Вот последний случай, приключившийся на днях. Старик, лет под восемьдесят, по житейским делам отправился из Трехизбенки в Славяносербск. На мосту его остановил “Айдар”, начал досмотр. Нашли два куска сала. Спрашивают: “Кому несешь?”. Он объясняет, что, дескать, себе покушать. “А где хлеб?!”. Он терпеливо разъясняет, что пожилому человеку тяжело нести еще и хлеб, тем более, что его можно купить в любом ларьке в Славяносербске. Не убедил. Под глумливые тумачи и улюлюканье пьяного зверья плачущего от бессильного унижения старика заставили съесть оба куска “сепаратистского сала” прямо на мосту. Люди, шедшие мимо, опускали головы и отводили глаза. Старики, женщины и дети бессильны против осатаневшего от вседозволенности бычья, сделавшегося вдруг вершителями людских судеб.

Люди на нашей стороне фронта видят это каждый день. И все прекрасно понимают, что нам несут сюда под жовто-блакытнымы стягами и заупокійной литіей про “Щеневмэрлу”. И весь этот мутный вал продажных ментов, озверевшего от крови и власти отребья, идейных нацистов, затурканных солдат и офицеров украинской армии да принудительно загнанных под ружье обманутых украинцев сдерживают простые люди Донбасса – бывшие шахтеры, механизаторы, заводчане – ныне офицеры и рядовые бойцы Корпуса Народной милиции Республики. И сдержат. Потому что правильно сказал Мелехов: “ Со своей земли мы не уйдем ни в коем случае”. Так тому и быть.

Саня “Лютый” и его Фермопилы

Первый раз вживую “Лютного” я увидел 6 июля 2015 года на возложении цветов луганскими писателями к памятнику Пушкину. Среди разношерстной толпы журналистов и съемочных групп в тот раз вдруг мелькнуло до боли знакомое лицо. Подошел, поздоровались: “Кто-что? Какими судьбами?”. Оказалось, мы хорошо, хоть и заочно, знакомы. И вот он снова в Луганске - очередной кульбит военной карьеры. Всё такой же некрупный, но кряжистый, основательный, словно вжимающийся в жизненный окоп. Весь внешне суровый, но удивительно правильный мужик. И при этом живая легенда - один из “300 запорожцев”, впоследствии буквально пропахавший на пузе в качестве командира штурмового взвода всю летнюю военную кампанию, а после тяжелой контузии - упрямо вернувшийся в строй. Это - Александр Агапов с позывным “Лютый”.

Россия-Украина

Довоенная биография проста и незамысловата. Родился Александр чуть больше сорока лет назад в рос-

сийской Самаре. Там же окончил школу, потом ПТУ. Начал работать в геологоразведке - бурильщиком. Как и все сверстники, честно пошел служить - попал в войска ПВО. Тут его и настиг развал Союза - начинал службу в рядах Советской Армии, а демобилизовался уже из "Збройних сил України". В 1995 году переехал на постоянное место жительства в Донецкую область - к маме. И новая, традиционная для Донбасса работа - машинист горнооборочных машин на шахте Красноармейская-Западная N1.

В 2010 женился и вместе с женой Татьяной переехал в Запорожье. Двое детей - мальчики 9-ти и 4-х лет. На линейный вопрос: "Какая Родина важнее?", отвечает просто: "Скорее Россия, но здесь у меня дети, - как это поделить?!"

300 запорожцев

22 февраля 2014 года Агапов пришел на площадь Ленина в Запорожье. Поначалу, можно сказать, попал он туда случайно. Увидел массу людей, заинтересовался: "Что думают другие?". Рассказывает: "К тому времени голова гудела от вопросов". Говорили на площади о том, чем в тот момент болела душа у каждого здравомыслящего человека. В этот раз произошло и первое для него столкновение с боевиками "Правого сектора" и сторонниками "майдана". Стички продолжились и на следующий день. Националисты хотели демонтировать памятник Ленину - но запорожцы тогда монумент отстояли.

Так Александр влился в ряды движения сопротивления хунте и набирающему разгон национальному помещательству под знаменами “майдана”. В числе тридцати запорожцев уже 6 апреля “Лютый” прибыл в Луганск в поддержку активистам Луганщины, штурмовавшим здание местного СБУ.

- У нас было очень сильное движение сопротивления в Запорожье, поэтому мы посчитали своим долгом приехать в Луганск помочь нашим соратникам, нашим луганским братьям, - рассказывает Александр.

Оттуда вернулись в Запорожье и на следующий день, 13 апреля, в светлый праздник Вербного Воскресенья, вновь вышли на митинг к памятнику Ленину. Там их уже ждали. Как выяснилось впоследствии, все последующие события были заранее распланированы противником.

- Как только закончился митинг, мы оказались окружены боевиками “Правого сектора”, ультрас, сторонниками “майдана” и неонацистами организации “Белый молот”, - говорит Агапов. - В нас полетели камни, яйца, пакеты с мукой, флаконы с “зеленкой”. Периодически звучали выстрелы, и ведь стреляли не только с резинострела, “флоберов” и пневматики. Мне, например, пулей прострелили куртку.

Под градом всего, что боевики принесли заранее и что попадалось им под руку потом, под этим шквалом

камней, злобы и ненависти запорожские активисты выстояли более шести часов. Вокруг бесновалась озверевшая толпа.

- Они пришли на митинг, хорошо подготовившись: в касках, вооруженные битами, арматурой, дубинками и молотками, - рассказывает “Лютый”. - Периодически нацикам удавалось прорываться сквозь жидкий заслон милиции, и тогда вспыхивали яростные драки.

Священник, ставший в один ряд с “тремястами запорожцами”, подвергся хуле и оскорблениям. В него кидали камни и яйца, плевали в лицо и в икону. Кричали, что он “московский поп” и крыли гнусным матом только лишь за то, что он служил священником украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Бесновавшихся молодчиков не остановила даже поднятая панагия Богородицы.

Милиция еле сдерживала толпу. Как ни странно, силовики нашли поддержку среди “промайданных” неонацистов “Белого молота” - они вместе с правоохранителями помешали “Правому сектору” начать резню. Чуть позже, буквально через две недели после запорожской репетиции, точно таким же завезенным молодчикам все же удалось устроить кровавую баню в Одессе.

- Страха не чувствуют только идиоты. В те часы я реально осознавал, что если они прорвут оцепление, то нас там просто разорвут. Среди нацистов было огром-

ное количество агрессивно настроенных вооруженных людей, целенаправленно свезенных к нам именно для этого - устроить бойню. Но деваться было некуда. Мы - стояли, - говорит сегодня Агапов.

Когда людей удалось вывести и оттеснить боевиков, всех антифашистов задержали и отвезли в отдел милиции. Поголовно переписали, зафиксировали данные и отпустили. Теперь запорожским активистам оставалось ждать лишь неминуемого ареста. Александр не стал испытывать судьбу - 30 апреля уехал в Донбасс и вступил в ополчение.

Летние бои 2014-го

Поначалу Агапов прибыл в Донецк, под стены администрации. Оттуда 11 мая боец “Лютый” вступил в ряды батальона “Восток”. Вначале рядовым механиком-водителем БМП-2, потом дорос до командира штурмового взвода. Участвовал в обороне Аэропорта, Карловки, Песков, Михайловки и Саур-Могилы. После гибели взвода “Медведя”, участвовал в выводе выживших героев обороны Саур-Могилы - они туда пешком ходили из Снежного.

- Первый раз понял, что мы бьемся с нелюдьё, летом 2014-го под Песками, - рассказывает “Лютый”. Мы держали оборону в районе СТО “Renault”. Ночью началась очередная атака. Они пёрли, что дурные, где-то с полуночи и, считай, до рассвета. Мы стояли жестко, ни

шагу назад. Выкашивали их пехоту раз за разом. А они всё прут и прут. Под утро, уж как они выдохлись, выкатил танк ВСУ и отработал по нам свой боекомплект. Как затихло, мы выдвинулись вперед посмотреть результаты. И что видим? Дострелянные раненые, раздетые убитые. Стянули не только разгрузки и бронники со своих, даже берцы поснимали с трупаков. Своих же павших боевых товарищей раздели. Потом нашли, почему они пёрли, как бессмертные. В карманах у всех упаковки с метадоном. Они же все обдолбленные шли в атаку! Нам потом объяснили, что это мощный психотроп такой, который применяют для лечения наркоманов замещая настоящие наркотики. Вот они напичканные этой дурью и пёрли, выпучив глаза, - вспоминает он.

После, в августе-сентябре, Агапов участвовал в боях за Ясиноватую.

- Потом началось наступление, - рассказывает Александр. - Мы прорвали или, скорее, начали выравнивать линию фронта, у Пантелеймоновки соединились с отрядами Безлера. Обычная боевая работа.

По сути, “Лютый” прошел через самое пекло, побывав в наиболее драматичных точках фронта, в самой мясорубке летней военной кампании 2014 года.

- Не люблю рассказывать, прости. Война - это грязь, пот, кровь и слезы. Нет там никакой романтики.

И, тем не менее, он и дальше рвался в бой. Поэтому после перемирия “Лютый” ушел из батальона “Восток” и вступил во второй моторизованный батальон 5-й бригады “Оплота”. Вновь стал командиром боевой машины пехоты. Где и прослужил до 15 января 2015 года, до массированного артобстрела, поставившего, как выяснилось, запятую, в его боевой карьере. Пришлось уволиться - последствия тяжелой контузии не давали возможности нормально служить, потребовалось срочное лечение.

Ростов - Луганск - Донецк

30 января 2015 Агапов прибывает в госпиталь Ростова-на-Дону. Там подлатали, а что делать дальше -

неизвестно. Помощь пришла со стороны. Известный журналист и волонтер Ева Меркурьева узнав о судьбе Агапова выходит на своих Луганских коллег. Журналисты государственного информационного агентства “Луганский Информационный Центр”, в свою очередь, связываются с писательской организацией ЛНР, а те с российскими ветеранами-”афганцами”. Ростовские “файзабадцы” (ветераны легендарного 860-го отдельного мотострелкового полка ОКСВА, дислоцировавшегося в г. Файзабад, провинции Бадахшан, ДРА - прим. ред.) не подвели - у “Лютого” сразу появилось и жилье, и работа. Восстановившись, он даже успел поработать по своей последней, как он говорит, “блатной” специальности промышленного альпиниста.

Вообще, разговаривать с ним трудно. Он закрыт, душа как будто зажата между двумя плотно стиснутыми, словно упрямые губы, створками. Неудивительно: отстояв личные Фермопилы в апреле 2014, “Лютый” потом тяжелым колуном прошел на броне и пёхом сквозь жаркий кошмар Песков и Саур-Могилы, зимний ужас артиллерийских обстрелов и свинцовую тяжесть болезни. Украинская Гражданская закалила эти створки, превратив их в кованые спартанские щиты. Отбоявшийся, задубевший, отлитый в горниле боев, лазаретов и лишений, этот немногословный, суровый мужик вернулся на свою войну. Для него теперь это просто еще одна тяжелая, местами опасная, но лишь привычная теперь работа - как в шахте, как на высотке. Ведь долг, на самом деле, все равно, по-прежнему выше личного: здесь

остались дети, боевые товарищи и незаконченное дело - освобождение его второй родины от засилья неонацистов и вооруженной хунты. Как сказали бы древние, “дело дошло до триариев”: с июня 2015 Саня “Лютый” снова в строю.

Трупы плыли по Донцу...

Величественный пейзаж Славяносербщины портили два подпиравших небосвод разросшихся столба едкого дыма. Тот, что правее – изжелта-серый – мог быть горящим лесом или даже случайно полыхнувшим от шальной мины садовым домиком. Траурно черный саван слева – то, скорее всего, жирно чадила только-только попавшая “под раздачу” единица бронетехники. Горело у Пришиба и Сокольников, как раз там, где последнее время идут круглосуточные бои и обстрелы. Вот и нынешнее пожарище в 12 часов дня – лишнее подтверждение ежедневных сводок. Хорошо, хоть город не задело – дымит километрах в трех-четырёх...

Мы едем в Славяносербск. Наша задача – получить разрешение на посещение блокпоста в Желтом, у бывшей паромной переправы через Северский Донец – последней точке пропуска, где еще возможен переход гражданских лиц через линию фронта.

***

В штабе нас встретил знакомый офицер 7-го бтرو (батальон территориальной обороны Корпуса Народ-

ной милиции ЛНР – прим. ред.). Александр, с которым мы не раз ездили на самые дальние позиции в Сокольниках, был явно оглушен и расстроен. Что да как? Ночью погибли люди...

Случилось всё, как это зачастую бывает, обыденно.

Сокольники – крайняя точка обороны Бахмутского рубежа фронта – с трех сторон обложена противником. Тут и ВСУ, и “Айдар”, и “Золотые ворота”. Теперь, говорят, какое-то подразделение “Азова” прибыло на усиление “заградотрядов”. Для обороны Сокольники крайне сложны и неудобны – поселок с разрывами вытянулся вдоль трассы на несколько сот метров. С одной стороны река, где в “зеленке” поймы стоят минометные батареи украинской армии. С другой – господствующие высоты, занятые противником. Край поселка упирается в последний рубеж обороны – в соседнем Крымском уже засели киевские силовики.

Наши позиции растянуты вдоль, дабы не дать возможности рассечь линию обороны и превратить полуокружение с трех сторон в полноценный котел. Все наши окопы, блиндажи, огневые и наблюдательные точки обстреливают круглые сутки. По всей протяженности нитки соприкосновений активно работают ДРГ. Чтобы не дать возможности противнику просочиться, приходится все время выставлять дозоры, секреты, вести разведку и расставлять снайперов. В ту ночь во время сопровождения снайперской пары

дозорная группа угодила на заминированную тропу. Двое ребят погибло на месте. За жизнь троих раненых сейчас борются врачи Луганской Республиканской клинической больницы.

Когда собрались ехать, обратил внимание на побитый осколками знакомый автомобиль, прошлый раз мы мотались на нем в Сокольники. “Та... попали под танковый выстрел”, – говорит офицер управления батальоном: “Обошлось. Лишь машину посекло...”. Окопные будни.

Попрощавшись с ребятами “семерки”, прибыли в штаб 3-го бтбр, по традиции именуемого “Егоровской сотней” – бойцы именно этого подразделения держат, в том числе, и блокпост в Желтом. Согласование заняло буквально пару минут, замкомандира – подполковник с позывным “Багги” – дал “добро”, и вот мы уже снова в пути.

***

Таксист все время травит байки. По дороге к переправе в красках рассказывает нам, как с жарой стали всплывать тела украинских силовиков. Мы не верим, говорим, что если бы что-то подобное происходило, то об этом знали бы все. Он упорствует: мол, нет – плывут по реке, чуть ли не косяками, аки перелетные бревна прям в сине море. Ни грамма сожаления, кстати. Даже частушку спел:

Трупы плыли по Донцу –
Мертвые укропы.
Так в Европу вы рвались,
А попали в ...

Нельзя сказать, что он шибко обозленный или очерстевший душой парень, просто выжгла война что-то во всех нас по отношению к противнику. Мы еще не знаем, что буквально через час будем практически в упор рассматривать солдат и офицеров 92-й отдельной механизированной бригады ВСУ.

***

Донец в этом месте красив. С обеих сторон реки раскинулись леса. У перехода зеленая зона обезображена минными полями, траншеями, блиндажами и стрелковыми ячейками. Река лучше скрывает червоточины войны – затопленного понтона не видно. Пешеходная подвесная переправа, которую в шалопайское довоенное время журналисты прозвали “Мост имени Индианы Джонса”, взорвана карателями при отступлении. Теперь от нее остались лишь торчащие из воды остатки стальных ферм. Сегодняшняя “дорога жизни” – это одна утлая лодочка, провисающий обесточенный кабель автомобильного парома да мужик из местных, исполняющий ныне функционал ручной тяги. Паромщик за раз таскает пару человек и их сумки. Людей переходит не много – 3-4 человека за час. С собой тащат, в основном, огурцы да

помидоры. Коммерсантов среди них практически нет. Разговорились с семьей. Мужчина лет шестидесяти, увидев встречавшую его родню, не смог сдержаться и как-то совсем по-мальчишески разрыдался, обнимая своих. Война разрубила село ровно напополам, по живому – по семьям и судьбам.

Спрашиваю, как, мол, на “той” стороне? Отвечает: “Вот так!” и показывает мне смартфон взрослой внучки с СМС-кой от гауляйтера Москаля: “Ви знаходитесь у зоні АТО. Ваше майно належить державі.” Говорят, что с них теперь еще будут снимать по 8% всех пополнений счетов мобильной связи – тоже на нужды “АТО”. Другой мужик жалуется, что только что на очередном блокпосту киевских силовиков, которых тут напихано по всей оккупированной части села, начали “шмонать” его машину.

– Я ему говорю, что ты там ищешь в той несчастной “Таврии”, не видишь, что я крестьянин?! А он мне: “У мене у самого така машина. Я знаю, де в ній шо можна заховати”. Ну, говорю, ищи...

В целом, конечно, рассказывают осторожно, слишком много ушей вокруг. Да и у всех родня по обе стороны фронта.

Не успели толком поговорить, раздался звук двигателя, и тут же взлетела команда “Тревога!”. Бойцы блокпоста метнулись по местам, мы гуськом ушли за

бруствер, а на противоположной стороне появился БТР, обсиженный пехотой, и два офицерских пикапа. С дистанции в сто с небольшим метров отчетливо видна прекрасная экипировка – бронежилеты с разгрузками, каски, новенькое оружие. Все это так контрастирует с разношерстным и откровенно скромным снаряжением наших ополченцев. Бронетранспортер эталонной мишенью застыл на пригорке, пехота даже не почесалась спешиться. Пикапы, словно тачанки, развернулись задом открытых кузовов – там тоже сидели пулеметно-гранатометные расчеты.

Навстречу им, прямо на пристань, вышло двое. Небрежно перекинувший автомат за спину командир блокпоста и представитель комендатуры, вооруженный лишь десантной тельняшкой на широкой, крепкой груди. За их спинами бойцы приникли к тяжелому вооружению. Один из “егоровцев” бесшумной тенью скользнул в пойменный лес с гранатометом в руках. Окинул взглядом мгновенно преобразившихся ополченцев: вот не обломится здесь никому и ни разу, несмотря на сияние новехонькой НАТОвской экипировки, оружие и технику с игопочки.

Весь мой “афганский” опыт говорил, что вся эта, на первый взгляд, устрашающая мощь украинской “бронекавалерии” – на самом деле пустая и опасная бравада. Начнись сейчас бой, полыхать этому БТРу и двум модным жестянкам веселым аутодафе. Пехоте же под кинжальным огнем ползти в последний путь к речке – на

заклание или сдачу “в полон”. Ну, не в гору же им по открытой местности со ста метров-то улепетывать?!

Не знаю, как солдаты, а двое изображавших из себя храбрых командос украинских офицеров, с ног до головы обвешанных модными военными цацками, видимо, все прекрасно понимали. Вышли на свою сторону реки и минут пять объясняли нашим мужикам, “зачем это они местных пугают”. Причина оказалась смешной, якобы, “завязли”. Днем. В жару. В собственном расположении.

Как бы там ни было, отчалили. Даже приветственно ручкой помахали своим визави. Вернулись и наши командиры. Кратко бросили на ходу: “Все, отбой. Войны не будет”.

***

Вышли на пристань, разговорились со старшим блокпоста. Виталий – человек потрясающего мужества и столь же впечатляющей скромности. Назвал себя “старшим”. На вопрос о звании и должности просто ответил:

– Да какие звания? Мы ведь, “егоровцы”, живем тут одной семьей. У меня в подчинении несколько блокпостов и не только. Перечислять не буду, сами понимаете.

Понимаем.

Об обстановке рассказывает четко и кратко.

– У нас сейчас чуть спокойнее, с тяжелого не стреляют. Мы выполняем договоренности о прекращении огня. Однако противоположная сторона не полностью отвела тяжелое вооружение на положенное расстояние. Есть танки. БТР вы сами только что видели. Они все время гоняют технику взад-вперед, боятся уничтожения. Мы это все засекаем.

Виталий, в лучших традициях офицерского кодекса, подчеркнуто уважительно относится к своему противнику. Точнее, к кадровым военным – к ВСУ.

– На той стороне нам противостоит 92-я отдельная механизированная бригада ВСУ под командованием полковника Виктора Николюка. Я с ним разговаривал. Он старается соблюдать договоренности. Однако есть тут такое подразделение “Золотые ворота” (печально известное вооруженное формирование украинских силовиков под командованием бывшего начальника Родаковского РОВД Славяносербского района подполковника Юрия Гречишкина – прим. ред.). Вот они постоянно провоцируют: сначала стреляют по нам, потом по позициям 92-й бригады. Хотят столкнуть нас лбами, – рассказывает Виталий.

– Помните опыт заградотрядов времен Отечественной? То же и здесь. Позавчера для усиления к ним захвали подразделения “Айдара” и “Азова”. Опять же

“Золотые ворота”. Сами военные (имеются в виду л/с подразделений 92-й ОМБр – прим. ред.) воевать не хотят. Они не против самостоятельности Донбасса, но у них есть приказ и семьи, для которых любое их неповиновение может быть чревато. Оттуда и все конфликты между военными и карателями. И с мирным населением. Ведь весь беспредел – это батальоны. У ВСУ уровень дисциплины и ответственности несоизмеримо выше. Если это офицер – у него и слово, и честь. Не все там подонки, – подвел итог разговора “егоровец”.

В целом, можно отметить, что на наших позициях очень силен дух и уверенность. Все действия киевских силовиков отслеживаются. Впереди естественная преграда – Северский Донец. На позициях созданы инженерные укрепления полного профиля. Сзади сильные тылы. Бойцы мотивированы и в частных разговорах уверяют, что “через них” не пройти. Много местных, знающих здесь каждую лощинку и каждое лицо.

Мне сложно угадать, какую именно задачу решало дефиле украинского БТР, но я четко понимаю, что если Киев все же решится на активную фазу и форсирование Донца, то дурацкая частушка нашего улыбчивого таксиста может реально обрести плоть. Думаю, оно того не стоит.

Необстрелянные пацаны

Александра Погорелова

Стройная девчонка-тростиночка – неброский макияж, скромная одежда, минимум украшений. Тонкие черты лица с большими внимательными глазами. С виду Виктория обычная луганская студентка. Но еще и дочь ополченца. Вот изящные девичьи руки неловко держат канцелярский файл. В нем, словно в обычном пакете, сложены бумаги, документы и фотографии. Это всё, что осталось от её отца: свидетельство о рождении, паспорт, аттестат, военный билет, свидетельство о смерти. Там же - последняя фотография. Потухший взгляд переставших улыбаться глаз, сеть окопных морщин да натянутые в искусственной улыбке губы. Явно неудачное фото так и не пригодилось – служебное удостоверение сделать не успели. Впрочем, возможно, подойдет теперь для могильной плиты.

Краткий рассказ девушки под стать этой стопочке бумаг. За свои сорок пять Александр Иванович Погорелов не успел накопить материала на подарочную хронику

своей жизни: дом, работа, дети, внуки и снова много тяжёлой работы. А потом он ушёл защищать свою Родину. Сам. По велению собственной совести. И погиб там, как солдат. Просто и безыскусно, спасая другие жизни. В том числе жизни своих детей и своего внука. Простая короткая жизнь простого честного мужа – отца и гражданина рожденной в огне артобстрелов и безжалостной блокаде молодой Республики.

“Правильный Иваныч”

Вика рассказывает об отце скупно. Любое уточнение всегда сталкивается с её стандартным ответом: “Да он же всё время работал.... Некогда было за себя рассказывать”. И, действительно, рукастый, мастеровой Иванович всегда был при деле и дома практически не сидел. Так уж сложилась. Родился в 1970 году в простой донбасской семье. После школы поступил 100-е ПТУ и по окончании сразу пошёл работать. Оттуда напрямиком в армию.

Служил водителем-заправщиком на Байконуре. Там чудом выжил в страшной аварии. Насколько все было серьезно можно судить хотя бы по тому, что об этой трагедии писали в газетах – факт для советских реалий образца 89 года весьма показательный. Вот и здесь делился воспоминаниями крайне скупно:

- Был страшный пожар – рванул склад ракетного топлива. Много людей погибло... солдат, офицеров, гражд-

данских специалистов. Мы всех, кого могли, стаскивали в ров убежища. И живых, и обожженных, и трупы, - тут же закуривая, вспоминал он.

После демобилизации в 89-м году в его военном билете появилась отметка об использовании в военное время – государство приравнило его службу к участию в боевых действиях. Тем не менее, армия оставила в душе уважение и чёткое понимание образующих смыслов. Иваныч, сам по жизни строгих правил, впоследствии не раз говорил: “Оба мои сына будут служить. И никак иначе. Без армии парню мужиком не стать”.

После демобилизации работал в разных местах, но так, чтобы обязательно иметь возможность “шабашить” – руки-то золотые. Семья вспоминает, что выходных у него практически не было, - все время кто-то обращался за помощью, а он никогда никому не отказывал.

Очень быстро женился. Жена – Марина, санитарка. Сразу пошли дети: старшая – Виктория, за ней следом брат Виктор. Последним родился Ванечка, ему сегодня всего пять годочков. После рождения младшего, супруга ушла на хозяйство – добытчик остался один.

Жили они не богато, но дружно: всего – главного, им хватало. Детей поднимали в доме “частного сектора” по ул. Социалистической, что в районе 3-го километра. Считай, по Луганским меркам, чистый посёлок хоть и промзона.

Когда дети стали подрастать, Иваныч за двором самостоятельно расчистил заброшенный пустырь, изготовил биты и фигуры, научил всю улицу играть в некогда популярную, а ныне практически забытую игру “городки”. Ни на кого не рассчитывал, по кабинетам не ходил, никого не упрашивал – взял и сделал. Там, потом, и взрослые, и дети с азартом рубились в городки, бывало, что и до ночи.

Детвора тем временем подрастала.

Старшая Виктория в восемнадцать родила, но что-то не заладилось, и девчонка все эти годы поднимала сына в одиночку. Иваныч тяжело переживал дочерину неустроенность и безумно любил внука Ромку. Однако, когда тот стал что-то понимать и заговорил, очень четко обозначил семейные роли: “Я тебе дедушка, а отца мы тебе, родненький, все равно рано или поздно сыщем”. Как в воду глядел....

“Позывной Кулибин”

- Когда всё это началось, - рассказывает сегодня Вика, - Отец нам с братом строго-настрого запретил ходить на любые митинги. Он очень за нас переживал. Вообще боялся за семью. Но и я не могла сиднем сидеть – многие мои друзья и знакомые уже помогали ополченцам в палаточном городке под зданием СБУ. Мы же видели, куда всё катится... И я пошла помогать. Он же только сказал: “Смотри, Вика, там люди разные. Есть хорошие,

а есть такие, что плюнуть да забыть. Будь осторожна”.

Тем временем у дочери развивался её многолетний роман с молодым человеком, приглянувшимся ей и сумевшим построить отношения с её сыном. А тут война. Вскоре избранник оказался перед дилеммой – выезжать из блокадного Луганска или остаться с любимой и её сыном. Парень выбрал Вику, Ромку и осажденный город. Иваныч не сразу поверил будущему зятю, но факт, что тот в свое время честно отслужил, как-то сразу выстроил меж ними некий тонкий мостик доверия. С началом обстрелов парнишка переехал в дом Погореловых.

Сам Александр Иваныч в мае потерял работу сантехника в сети супермаркетов “Spar”. Магазины закрыли, всех сократили. К весне “шабашки” отпали окончательно, да и разовых подработок с каждым днем становилось меньше. Однако уехать – бросить семью и дом он не мог. Вскоре кончились деньги, ведь каких либо финансовых запасов в небогатой семье отродясь не водилось.

После бомбоштурмового удара по зданию областной государственной администрации Иваныч пришел домой и сказал, что, дескать, надо бы идти в ополчение. Что и как он там видел, рассказывать не стал. Семья была категорически против.

К 1-му августа никакой работы не было уже несколько недель. В доме закончились продукты, сигаре-

ты, деньги. Город к тому времени обстреливали по несколько раз в сутки. И Иваныч не вытерпел: пошёл к зданию облгосадминистрации, встретил знакомого парня, на тот момент служившего в комендатуре, и заявил: “Иду в ополчение. Дома сидеть - сил моих нет! С этими бабами я просто с ума схожу!”

Оформили сразу. С первого же дня нашлась работа, да так, что головы не поднять. Тут же намертво прилип и позывной - “Кулибин”. Следом для Иваныча началась и война...

Где и как воевал, он никогда особо не рассказывал. Однако вскоре случилась беда – умерла бабушка. Связи тогда не было – начались поиски. Нашелся боец Погорелов на рубеже обороны под Счастыинским направлением.

К осени стало потише, активные боестолкновения практически закончились, люди стали потихоньку возвращаться. Появилась какая-то работа, и он решил вернуться. Уволился из комендатуры в ноябре, нашел заказы, стал работать, а все свободное время проводил в семье с детьми и внуком. Однако счастье вернулось ненадолго...

“Разведчик Погорелов”

С возобновлением вооруженного противостояния Иваныч сразу засобирался в “боевые”. Семье объяснил просто:

- Там пацаны необстрелянные в бой идут. А я служил, воевал, все уже здесь видел... Что же мне - отсиживаться у них за спиною?! Это неправильно, я считаю...

12 января боец Александр Погорелов был зачислен во 2-ю разведроту ОРБ Корпуса Народной милиции ЛНР (отдельный разведывательный батальон – прим. ред.).

Сорокапятилетний отец семейства возрастом уже не подходил для такой службы, но для него это не стало преградой. Крепкий, сильный мужик, к тому ж, не моргнув, совравший, что, дескать, служил в Афгане – благо ветеранская отметка в военном билете безадресная. Ну, и как такого не взять в разведку?!

Разговоров на тему “сиди дома” в семье больше не шло. Как-то перед зимней кампанией по местному каналу “Луганск-24” шёл репортаж об ополчении, где показывали воюющих женщин. Иваныч встал, ткнул пальцем в экран телевизора и сказал – громко и для всех: “Видели? А я ж мужик. Я ж не могу сидеть дома, когда служат молодые девчонки и ребята”. Вопросов тогда больше не задавали.

Ну и попал, как хотел – в самое пекло. Начались бои за Дебальцево. Иваныч практически не приезжал домой. В редкие отпускные был немногословен и, как заметили родные, подавлен. На настойчивые расспросы как-то скупо ответил: “Вика, мы бывали в таком аду, что ты себе не представляешь”.

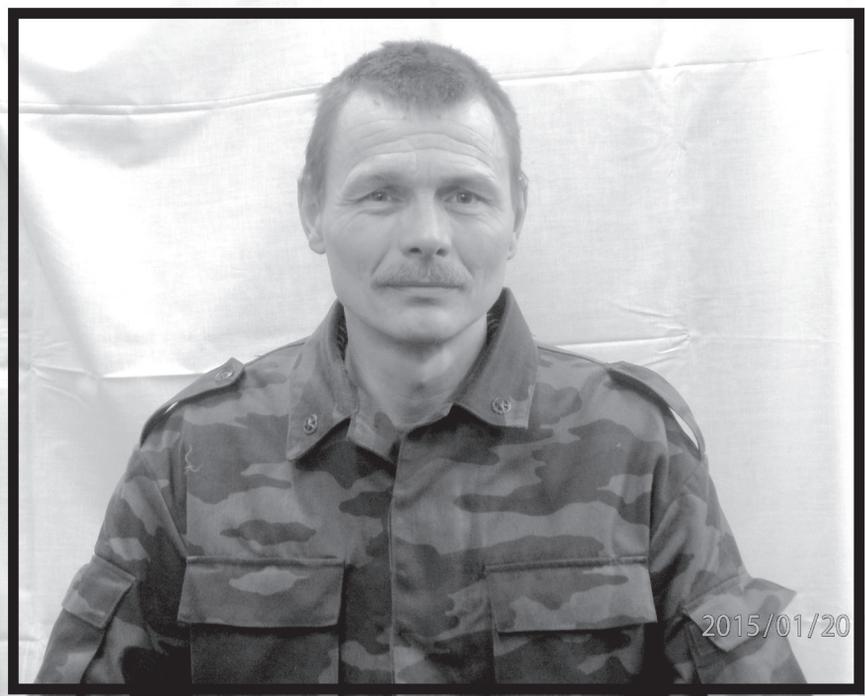
В тот приезд собрал всю ненужную детскую одежду. На вопрос “зачем?” – ответил: “Под Дебальцево есть места в поселках, где дети буквально голые, а уж близко зима”. Потом, помолчав, рассказал:

- У нас там дети... хлеба просили... Я просто смотреть на это спокойно не могу. Мы с пацанами пытались поддержать их – сухпайками, хлебом, всем, чем могли. Разорвешь, дашь одному краюху, а он не ест – бежит к матери, сестрам, другой ребятне, к ним прибившейся, и делиться там со всеми пытается. Мы им все своё поотдали. А как иначе?! У наших мужиков слёзы на глазах. Как на это смотреть можно?!

На фронте, под Дебальцево, Погорелова больше всего волновало, что дети страдают от этой войны. Очень переживал за внука, за младшего сына. Болела душа и за старшего.

- Мне, старому, тяжело воевать. Не могу смотреть, как, считай, Витькины одnogодки под пули подставляются. Душа болит за пацанов. Вот я-то, к примеру, пожил, а им ведь жить и жить. У меня-то семья, дети, внук... а они мальчишки 18-19 лет, мне их жалко, - как-то поделился с Викой Иваныч.

- Однажды под обстрелом вытянул из под завала парнишку с роты. Того привалило во время обстрела. Пацанёнку, как Витьке нашему, ну восемнадцать-девятнадцать не больше, а он туда же – воевать пошел... Ну, как мог, дотащил его до окопа. Еле-еле его откачали,

привели в чувство. Отправили в больницу в Луганск, - рассказывал он.

Да и Вика помнит этого парня, навещала его потом вместе с папой.

Тем временем пришло время решать судьбу Виктории. Как-то вечером, выйдя покурить, Иваныч о чем-то громко заспорил с её женихом. А вернувшись, вдруг, неожиданно благословил их будущий брак. Вика только посмеялась: “А меня вы спросили, поженив за перекур на дворишке?”. Тогда все смеялись. Да вот только на бы-

струю фронтную свадьбу Иваныч так и не попал – со службы не отпустили, а дома перенести торжество не смогли. А ведь грозился-то как: “Эх, Виконька моя! Уж на твоей-то свадьбе я неделю гулять буду!”

“Батины пацаны”

В январе Иваныч несколько раз побывал дома. После Дебальцевских боев он заметно сдал: изменился в лице, потускнел его некогда живой взгляд. Теперь это заметно даже по его последней фотографии на служебное удостоверение. Дочь пыталась добиться: что с ним случилось, что его ломит изнутри, что же он такое увидел? Ответ поразил. Казалось, звучит речь другого человека. Виктория утверждает, что её отец раньше так никогда не разговаривал.

- Вика! Я видел многое в жизни, но там против нас нелюди. Там пекло. Ад. Не поймешь, кто куда стреляет. Под мёртвыми телами могут находиться живые. Живые и мертвые, в одном окопе. В одной воронке..., - сокрушался он.

- Мы понимали, что там происходят ожесточённые бои, но не представляли насколько страшные, - рассказывает сегодня Виктория.

Семья была против его возвращения на фронт, пытались отговорить, приводили доводы про возраст и утихание боев, даже ругались, но куда уж там.

- Мне совесть не позволит и сна не будет, если я останусь, а пацаны там за меня воюют, - отвечал Иваныч.

Виктория считает, что у него, скорее всего, было предчувствие, что он погибнет: “25 января он с нами как будто прощался. Хотел увидеть всех и меня и внука. “Взгляд не тот, потухший, да и глаза все время отводил. Словно боялся заплакать при мне. Он уже знал, на что идёт”, - рассказывает дочь.

- Большую часть времени в тот раз провёл с внуком. А потом Ромка у меня спрашивал, а чего это дедушка с нами прощается? Я спрашиваю сына: “А что он тебе говорил-то?” Дедушка, говорит, просил прощения и просил меня не помнить плохого, - вспоминает она.

Последний раз семья увидела отца 25 января 2015-го. Следом пришла трагическая весть.

Вот, что рассказывает Вика со слов сослуживца: “Вечером воскресенья 1-го февраля, рядом ударил снаряд. Осколком Иванычу отрубило голову и кисть руки. Видимо перед взрывом инстинктивно прикрылся. Погиб на месте. Сразу наповал. Не мучился”.

Сын Ваня с 30 числа стал плохо спать, всё звал папу. Семья до последнего надеялась, что это ошибка. Тем страшнее была открывшаяся правда. Из-за тяжелых боёв тело привезли только 10 февраля. 14-го Александра Ивановича похоронили в закрытом гробу рядом с

его отцом в поселке им. Тельмана. На похоронах сослуживцы рассказывали, что Погорелов успел многим людям спасти жизнь.

Разведрота серьезно помогла с похоронами, поддерживала семью продуктами. Это помогало выжить, но не перенести утрату. Мама на неделю впала в беспамятство. Все тяготы легли на Викторию. Дети очень тяжело перенесли трагедию. Сыну Ванечке начали сниться кошмары: “Мой папа воевал, шел на большой и опасный танк, а потом прилетела большая-пребольшая мина и отрезала папе голову вместе с рукой”. Так детское воображение отреагировало на неосторожный рассказ подвыпившего на поминках родственника. Для внука родные придумали сказочку, но тоже не очень помогло – четырехлетний Рома перестал говорить.

Однако Иваныч ушел не просто так. Да, он не увидел свадьбы дочери. Не обнимет сходящую с ума жену. Не соберет портфель внуку. Но сына он все же вырастить успел.

Через несколько дней после похорон девятнадцатилетний Виктор Погорелов был зачислен добровольцем во 2-ю разведроту отдельного разведывательного батальона Корпуса Народной милиции ЛНР.

Спасение одной Ольги

Непривычная урбанизированная планировка светлых, совсем не больничных, коротких коридоров. Везде стерильная чистота, бросающаяся в глаза новизна обстановки “с иголки” и какой-то совершенно не вяжущийся с медицинским заведением детсадовский уют. Однако мы в больнице, на территории медицинской гордости Луганщины - Республиканского перинатального центра.

Перед входом - обязательный обряд переодевания: бахилы, накидка, шапочка. Марлевую повязку, посоветовавшись, врачи нам милостиво разрешили не надевать. Идем проводить Ольгу Борисову. Ту самую двадцатидвухлетнюю беременную женщину, ставшую жертвой бесчеловечности киевских силовиков.

За жизнь Оли и её еще нерожденного ребенка две недели самоотверженно бились врачи Луганской Республиканской клинической больницы - реаниматологи, нейрохирурги, анестезиологи и акушеры-гинекологи. Девчонку, вопреки всем негативным прогнозам, вытянули. Спасли и плод.

***

Вот мы и в палате. По-деревенски смущенная улыбка, аккуратные ненакрашенные ноготочки, теребящие угол одеяла, и заметный даже под покрывалом округлый животик. Обычная поселковая девчонка, таких тысячи в богатом на студентов Луганске. Все ничего, если бы не взрослый взгляд серых глаз. Да страшный, незаживший еще полукруглый шрам под широкой йодовой полосой, охватывающий правую часть головы. Видно, что часть черепной кости отсутствует.

Рядом с кроватью стоит мама Татьяна. Сложно представить, что пережила эта женщина, дотащившая в конце своих мытарств свою “деточку” до больницы.

- Ну, рассказывай про себя, героиня? - мы пытаемся шутливым тоном снять повисшую в палате настороженность.

- Да что рассказывать? Борисова Ольга Валерьевна, 1993 года рождения. Живу в Большой Черниговке (село Великая Черниговка, Станично-Луганского района Луганщины – прим.ред.), - тихим, неокрепшим голосом начала она свой рассказ. Сама, при этом, всё время виновато улыбается, словно чувствует за собой некую вину в чужой жестокости и абсолютном, нечеловеческом бездушии.

Потом все же оттаяла. История маленькой жизни вышла короткой, простой и незатейливой.

Семья самая обыкновенная - работающая. Училась она, по сельским меркам, неплохо. После школы поступила в Луганское высшее профессиональное училище №44 на специальность "повар". Но на этом не остановилась - по окончании продолжила учебу и перед самой войной, весной 2014 года, окончила Луганский колледж экономики и торговли, получив специальность техника-технолога общественного питания.

Девчонка не знает, как бы сложилась ее жизнь дальше, но с началом боевых действий стало совсем не до дальнейшей учебы. Работы тоже никакой не стало, от слова "совсем". Да и жизни на оккупированных территориях - тоже.

С молодым супругом рванули в Россию - на заработки. Однако там оказалось весьма непросто. Работала в Анапе, но дальше рядового кассира без документов подняться не удавалось. Тут беременность, плюс муж - студент. Пришлось вернуться. Думали, дома и стены помогут. Однако судьба распорядилась иначе.

В мае на волосистой части головы вдруг образовалась небольшая шишечка. Начала беспокоить. В селе какая медпомощь? В Луганск дороги нет. Обратились в Счастыинскую больницу. Там провели несложные манипуляции, обработали рану и... отправили домой. Однако, как оказалось - не вылечили. Болезнь прогрессировала, начались сильные головные боли, при наклонах вперед наливалось лицо, затекал правый глаз.

Ольга, уже с матерью, опять приехала в Счастье - вновь обратилась за медицинской помощью. В ответ ей посоветовали, дословно: “Попей цитрамончику, пройдет”.

***

Луганские врачи до сих пор не могут осознать произошедшее. Они говорят, что просто не поверили бы в такую историю, если бы не живое доказательство, лежащее на операционном столе. Ведь еще с советских времен повелось, что беременной - а Ольга к тому сроку была уже на 25 неделе - стократное внимание. За любое происшествие в этой области незамедлительно следовало расследование с жесточайшими оргвыводами, если, не дай бог, в деле обнаруживалась чья бы то ни было ошибка. Ведь материнская смертность - это универсальный интегрированный показатель, где учитывается работа служб акушерства, хирургии, анестезиологии и реанимации. Это - единый комплекс, по которому можно судить об общем уровне медицины в государстве.

Однако факт остается фактом - после неудачного хирургического вмешательства на мягких тканях головы больная была не обследована, а при появлении первых симптомов осложнения почему-то была напрочь лишена последующей медицинской помощи. Дословно ей сказали следующее: “Езжай в Северодонецк, там посмотрят”. Ну, “ватница” - не иначе.

Однако к тому времени у Ольги подошло время планового УЗИ плода. Да и в Луганск, где она состояла на учете, добираться было несоизмеримо ближе, а уровень квалификации врачей Республики однозначно выше.

Но тут, как назло, семья попала в тот самый период, когда на украинской стороне начали вдруг без объяснения каких-либо причин произвольно закрывать границу. И их остановили.

Бедная мать чуть ли не на коленях, со слезами на глазах тысячу раз объясняла ситуацию: показывала документы, указывала на беременный живот дочери и кляла медицинские бинты на голове. Безнадежно. Киевские силовики были непреклонны: “Мамаша! Езжайте в Северодонецк, там больница и генерал, отвечающий за пропуска. Тут - нельзя!”

Через третьи руки несчастные люди сообщили о своей беде на другую сторону Станичного моста. Там живо отреагировали бойцы комендатуры ЛНР и отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района. Переговоры шли со всех сторон. Кого “напрягли”, неизвестно, но, в конце концов, измученную семью пропустили.

К этому времени Ольге стало совсем плохо: началось косоглазие, потеря ориентации в пространстве и времени, девушка стала впадать в ступор и терять сознание.

Вызвали “скорую” и на реанимобиле девушку доставили прямо в Луганскую Республиканскую клиниче-

скую больницу. Здесь после быстрого дообследования сразу положили на операционный стол: нейрохирургия, реанимация, еще одна черепно-мозговая операция, вновь палата интенсивной терапии, потом отделение патологии беременности в перинатальном центре - и вот будущая мамочка уже встает, ходит, дает интервью.

Вытащили...

Теперь мать Татьяна живет рядом с дочерью прямо в палате, а будущий отец вместе с родней снимают где-то угол. Будущее лежит в туманной дали. Ведь молодого супруга киевские силовики пропустили последним, сказав напоследок: “Иди-иди, студент, и смотри - это твой билет в один конец. Назад тебе дороги нет”. Впрочем, и матери перед пропуском на территорию ЛНР тоже говорили: “Выбирайте! Или Украина или...”. Татьяна тогда ответила:

- Что мне выбирать?! Вас, героев, или две жизни - дочери и ее ребенка? У самого мать-то есть? - после такого ответа замолчали...

Теперь Татьяна скромна и незаметна. Несколько серьезных организаций, включая профсоюз медицинских работников ЛНР, услышав об этой драме, предложили семье Борисовых различную, в том числе, и материальную помощь. Татьяна дала мягкий, но категоричный отказ: “Для нас и так много сделано. Мы на медикаменты копейки не дали, а потрачено на нас - страшно предста-

вить”. Действительно, бюджет такого лечения для любой семьи просто неподъемен. Но здесь, в Республике, решили: “Матери и ребенку - жить”. И вытянули. Причем, буквально - с того света.

***

Врачи по сравнению с нашими предыдущими визитами чуть оттаяли. Ведь вначале ни о каком свидании с Ольгой и речи не шло - они нам прямо запретили называть само её имя. Сегодня прогноз относительно благоприятен, но доктора все равно очень осторожны и более пяти минут пробыть в палате нам не дали. Хотя пациентка уже встает и даже вышла сегодня на свою первую прогулку.

- Лечение предстоит долгое и непростое, - рассказывает исполняющая обязанности руководителя перинатального центра, заведующая отделением патологии беременности и экстрагенитальной патологии Юлия Яцкив.

- До родов Ольгу никто никуда не отпустит, будет находиться здесь в отделении до августа. Потом, после родов, ей предстоит еще как минимум одна операция пластики черепа. Ведь у нее удалена часть свода, и сейчас мозг покрывает лишь кожа головы.

Вся эта эпопея прошла у Юлии Викторовны, что называется, на глазах:

- Больная поступила в тяжелом состоянии. Менингоэнцефалит, подострое течение с преимущественным поражением базальных отделов мозга. После дообследования ей был поставлен диагноз абсцесс головного мозга. И в этот же день больная была прооперирована. Черепно-мозговая операция, трепанация черепа, а женщина на 25-й неделе беременности. Следом, 25-го мая, повторная операция. Был удален абсцесс головного мозга. После этого хирургического вмешательства состояние женщины сразу начало демонстрировать положительную динамику. После реанимационных мероприятий она была вновь переведена в отделение нейрохирургии, а оттуда уже к нам - в отделение патологии беременности перинатального центра.

Под конец нашего общения наш “строгий доктор” заметно смягчилась:

“Да. В целом мы ставим хороший прогноз - беременность пролонгируется, состояние внутриутробного плода удовлетворительное. Так что выносим лялю”, - смеется врач.

“Самое главное, - отмечает заведующим, - после такого серьезного хирургического вмешательства, двух черепно-мозговых операций, мы не наблюдаем неврологического дефицита. Нет никакого нарушения подвижности конечностей и каких-либо изменений в интеллектуальной, чувствительной и эмоциональной

сферах ее личности. Оля нормально общается, сама кушает, гуляет. Вот сегодня впервые вышла на улицу”.

Главный врач Республиканской клинической больницы Олег Вольман в своих прогнозах осторожен, но также верит в благоприятный исход этой эпопеи. При этом он четко дает понять, что это маленькое медицинское чудо - заслуга всего врачебного коллектива главного научного и медицинского центра Луганской Народной Республики:

- Тут заслуга всего коллектива больницы. Однозначно! В первую очередь, нашего нейрохирурга Александра Евтушенко. Это он успешно осуществил две сложнейшие черепно-мозговые операции. Отлично сработали все врачи - реаниматологи, бригады анестезиологов под руководством Ирины Катилевской. Акушеры-гинекологи нашего главного акушера Республики Олега Валиева. Молодцы врачи перинатального центра. Спасение этой больной - коллективная заслуга всех наших врачей.

“Плюс, мы всей этой ситуацией буквально болели. Каждый день я докладывал министру, а ведь она такие вопросы понимает очень хорошо (министр здравоохранения ЛНР Лариса Айрапетян по своей медицинской специальности акушер-гинеколог - прим. ред.). Ведь это вопрос материнства и детства, здесь спрос серьезный”, - отмечает главврач.

Вообще, у нас сложилось впечатление, что наши доктора самую чуточку, но остались верны традициям профессионального суеверия. Все видят очевидную положительную динамику, но упорно говорят вслух об осторожно-позитивном прогнозе.

Тут мы их понимаем. Молодая беременная девчонка, прошедшая через такие мытарства, ее Мать-Татьяна, вымолившая все глаза на украинских блокпостах, юный супруг с билетом в один конец в кармане - все они, после этих страданий и горя, безусловно, заслужили свое право на тихое семейное счастье.

Поправляйся, Оленька. Дай бог тебе материнского и человеческого счастья. Будь здорова!

***

PS В субботу 15 августа 2015 года в перинатальной центре Луганской Республиканской клинической больницы была проведена успешная операция кесарева сечения и Ольга стала мамой. У нее родилась девочка массой 3,72 кг и ростом 53 см. Руководили действиями врачей и непосредственно участвовали в проведении операции министр здравоохранения ЛНР врач-гинеколог Лариса Айрапетян и главный акушер-гинеколог Республики Олег Валиев. Также присутствовал главный врач Луганской республиканской клинической больницы Олег Вольман.

Обретение судьбы

Говорят, у Истории нет сослагательного наклонения. Ведь прошлое можно изменить только в ролевых играх и в жанре альтернативной истории. Но это все равно будет лишь одна из вариаций виртуальной реальности. Сложнее с будущим. Его сложно предугадать, зато можно придумать. Сочинить, как роман. С заданными условиями действия и рамками мотивации. Подогнать под схему героя, насытить его характер плотью деталей и чувств, а затем подвести под хэппи-энд с моральным выводом. Если счастливого конца не случится, в выигрыше все равно остается читатель. Потому что это его урок, его переживания и размышления в симуляторе вероятности.

А что если придуманная автором картина окажется ужасной явью? Вылезет с бумажных страниц и экрана монитора со всеми апокалиптическими прелестями в обыденную жизнь? В 2007-м году Глеб Бобров написал роман-предупреждение “Эпоха мертворожденных”. Роман, причисленный к разряду “у нас это невозможно”. В 2014-м страшные картины из его книги с фотографи-

ческой точностью стали воплощаться в гражданской войне в Донбассе – колонны беженцев, мародёры, артобстрелы городов, танковые атаки, яростные бои ополченцев...

Парадокс, но география и характер сражений на 90% совпадают с уже написанным восемь лет назад. И кажется, что тогда писатель просто оглянулся в будущее. В котором он сам тоже оказался на передовой. Журналистом. Чтобы свидетельствовать о случившемся. О наступившей жестокой реальности, где передовая линия обозначала себя разрывами снарядов возле его дома в Луганске. Разница между вымыслом и бытием оказалась в людях. В правде их характеров! Даже самая совершенная литература не выдерживает сравнения с жизнью и её поворотами. Так и люди. Самые обыкновенные и малозаметные в буднях, в стрессовых, экстремальных ситуациях они проявляют невиданную ранее силу духа и невероятное мужество вкупе с человеческим достоинством. Документальная фиксация событий, но – главное! - характеров и судеб и стало основным делом и миссией Глеба Боброва в этот непростой год.

Его итог - сборник очерков о событиях гражданской войны в Донбассе, на участке разлома Русского Мира, где идет борьба за выбор своей исторической судьбы и своего национально-культурного самоопределения. Где рождается новое понимание жизни, рождаются новые люди с ясным осознанием добра и зла, подлинных ценностей. Они, эти люди, и являются главным открытием

сборника и для читателя, и для самого писателя. Они и есть та настоящая реальность, ради которой и стоит жить и бороться. Они и есть обретение “утраченного смысла” и являются подлинной альтернативой мрачной безысходности глобализма. Эти обыкновенные герои жизни в настоящем могут и должны стать героями литературы ближайшего будущего. Потому что с ними Правда. Правда родной земли и речи. С этой силой они выстоят, как и деды. С нею и победят!

Владимир Олейник

критик, кандидат педагогических наук

г. Курган, Российская Федерация

Содержание

Дорога мщения Женьки “Ангары”	8
Тонкая прозрачная линия	23
Уроки ненависти Игоря Мирошниченко	35
Сталинград под Санжаровкой	49
Три пули разведчика Унгера	58
Напрасная жертва Дебали	74
Мергельные окопы Станицы	82
Воля к жизни Виктора Равлика	93
Сокольники: поселок, оставшийся только на карте	103
Люди бахмутского фронта	108
Саня “Лютый” и его Фермопилы	114
Трупы плыли по Донцу	124
Необстрелянные пацаны Александра Погорелова	134
Спасение одной Ольги	146

*В оформлении книги использованы фото (с) Николая Сидорова,
(с) Юрия Стрельцова и (с) Глеба Боброва*

В этой книге – боль, кровь и слезы войны на Украине. Сборник очерков о событиях гражданского противостояния, о судьбах и характерах жителей Донбасса, вынуждено ставших ополченцами. Для их автора, главы Союза писателей ЛНР, Глеба Боброва, это уже вторая война. Теперь она полыхает на его родной Луганщине. Все описываемые им события, факты и человеческие истории взяты непосредственно из жизни.